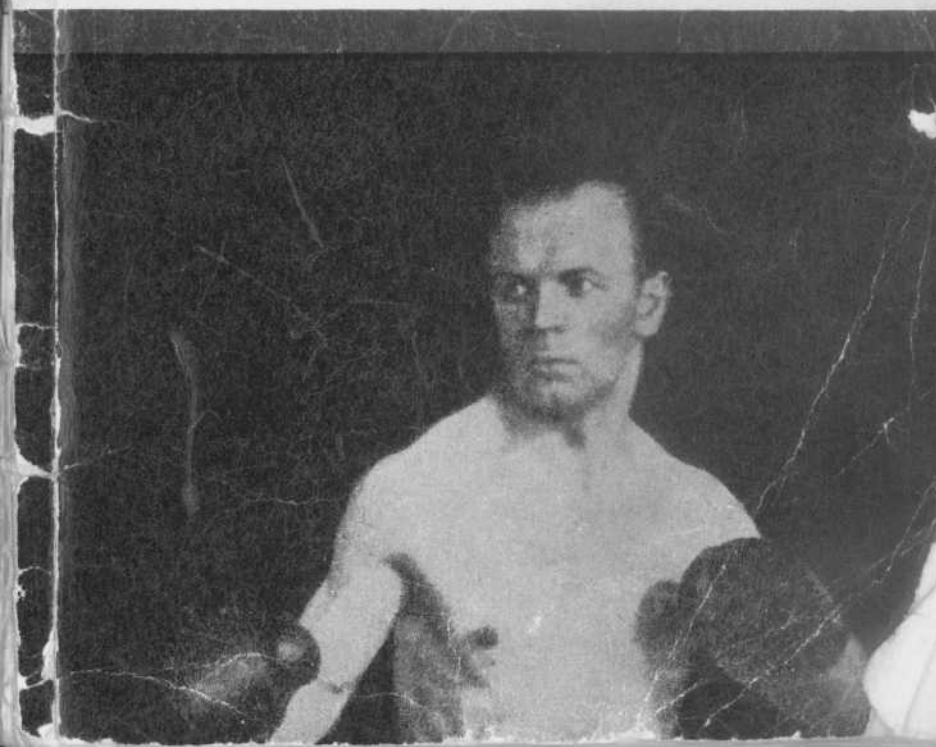

ЭТОТ НЕИСТОВЫЙ РУССКИЙ

Э. ХРУЩЕВ

„ФИЗИКУЛЬТУРА И СПОРТ“
МОСКВА · 1970

Э. ХРУЦКИЙ

ЭТОТ НЕИСТОВЫЙ РУССКИЙ

(документально-художественная повесть)

«...Но что такое? Чемпион отлетел к канатам. Вслед за ним шагнул русский. Удар! Чемпион согнулся, бес- сильно опустив руки. Еще удар! Гордость Франции ле- жит на полу». Впервые никому не известный русский боксер победил прославленного французского спортсме- на. Затем имя Аркадия Харлампиева узнал весь спор- тивный мир. Этот неистовый русский повергал кумиров многих стран.

Тяжела и сложна была жизнь Харлампиева. Цар- ская Россия, Франция, Германия, буржуазная Эсто- ния—куда только не бросала жизнь этого человека! Однако вся его жизнь, все его творчество были посвя- щены служению русскому народу, социалистической России.

6—9-1
Тем. план
1970 г. № 28

ТЕМНОТА

За окном одинокий фонарь бессмысленно боролся с темнотой. Дождь плясал на железном карнизе, трубил в водостоках. Проходят годы, меняются города и люди, но шум дождя остается таким же, как двадцать лет на- зад в Париже.

Плохо, когда нет сна. Плохо, когда вместо резкого, здорового запаха тренировочного зала пахнет лекар- ствами.

Он понимал: скоро конец. Когда врачи пытались ус- покоить его, он только слегка усмехался, еле заметно, одними уголками губ, чтобы не обидеть добрых, хоро- ших людей.

Он слушал свое сердце, которое беспокойными тол- чками гнало кровь. Оно то вдруг замирало, то вновь начинало биться тревожно и гулко.

Очень противно лежать на спине. Видишь только кусок окна, чуть высвеченного фонарем да воткнувши- еся в карниз струи воды.

Месяц назад в приемном покое больницы врач с изумлением смотрел на крепкое тело и литые мышцы се- дого, старого человека.

— Ваша профессия?

— Тренер по боксу.

Очень трудно лежать, слушать шум дождя и карау-

лить каждый новый толчок сердца. Ждать, когда внезапно тонкая и острая, как игла, боль ударит в плечо и в лопатку.

Он знал, что главное дожидаться утра. Чьи же это строки? Чьи?

Те, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут,
Утром не умирают,
Утром опять живут.

Надо дожидаться утра. И не нужно слушать сердце. Зачем? Ты же сам не щадишь его. В жизни, на ринге, на вершинах гор. Жизнь прожита большая и пестрая.

Париж! Горбатые крыши, за окнами мансарды, беспечная веселая жизнь квартала Сен-Дени. Добрый старик Гастон, первый тренер. Добрый и честный. Он один провожал тебя тогда на вокзале.

Лондон! Снег. Запах бензина и угля. Английские газеты называли тебя гладиатором. У тебя тогда даже имя было другое — Шарль Лампье.

А завтра его ребята начнут выступать на первенстве страны. Все-таки рано выпустил он ребят на ринг! Рано. И хотя у них уже есть титулы и победы, они еще так мало знают! У Коли Королева прекрасный удар, но подвижность... Ему еще работать и работать. Лева Темурьян, наоборот, подвижен и быстр, но подчас технику подменяет темпераментом. У Коли Штейна страдает защита, пропускает удары.

Завтра они выйдут на ринг. Нужно дотерпеть до утра, нужно!

Сначала он ничего не почувствовал. Только вдруг стало почему-то тревожно. Только вдруг заколотилось сердце, и кровь частыми ударами отозвалась в голове.

Он протянул руку, нащупал на столике кнопку звонка. Сестра появилась сразу,

— Вам плохо?

— Свет, карандаш, бумагу.

— Вам плохо?

— Я прошу вас...

— Минуту...

Как стучит в висках, как колотится сердце! Только бы успеть написать, только бы успеть...

Сестра зажгла небольшую лампу, положила карандаш и бумагу.

«Я очень беспокоюсь о вас, мои дорогие. Завтра вам выходить на ринг. Помните, что у настоящего боксера-мастера все, начиная от передвижения по рингу и кончая ударом, абсолютно свободно, логично, красиво. Передвигается он скользящим шагом, без прыжков, удары наносит вместе с поворотом туловища, этот поворот происходит всегда в полном соответствии с переносом тяжести тела с одной ноги на другую. Механика движений при нанесении ударов и выполнении защиты зависит от той позиции, прямой или боковой, в которой находится в определенный момент боксер. Вы не сердитесь на меня, мои дорогие, что пишу я вам истины азбучные. Лучше внимательно приглядитесь к себе, особенно ты, Коля, и ты, Лева. Обо мне не волнуйтесь. Все хорошо. Я совсем здоров...»

Он прислушался к боли, медленно вонзавшейся в лопатку. «...Скоро буду с вами и обниму чемпионов. Желаю победы».

Аркадий Георгиевич Харлампиев

Он надписал адрес, положил письмо на тумбочку. Он еще увидел испуганное лицо сестры. Услышал, как она крикнула: «Врача!».

Это шумит не дождь. Это Сена лижет каменные плиты моста Мари. В жаровнях лопаются каштаны, чад их

смешивается с запахом тины и прогнивших свай. А в небе повисло веселое солнце. Они бегут с Клодит, взявшись за руки. Бегут вдоль набережной, и она смеется, подставляя влажные губы. Вдруг погасло солнце и наступила тьма. На этот раз навсегда.

Он умер в три часа ночи 20 августа 1963 года.

СМОЛЕНСК—ГОРОД ГУБЕРНСКИЙ

В городе хозяйничала масленица. Казалось, что Смоленск навсегда пропах сивухой. Рожи обывателей российских лоснились, словно блины, щедро сдобренные, маслом.

На главной улице у подъезда губернского дома каждый вечер крутились и стреляли два колеса с шутихами — непревзойденное изобретение местного пиротехника — пьяницы Пигуса. Откуда у человека такая смешная фамилия, — не знал никто, даже полицмейстер, но из-за склонности «ракетчика» к горячительным напиткам его высокоблагородие переименовало его в Пьянгуса.

Как только у подъезда губернатора с адовым треском и шипением начали крутиться чертовы колеса, город знал точно — масленица началась.

Хрипели у подъезда хозяина губернии испуганные лошади, brave околоточные, рванувшие по стакану для «сугреву», соляными столбами застывали по обе стороны дверей. Съезжались гости на традиционный ужин.

Над городом плыл блинный чад. Ох уж эта масленица! Обыватель обжирался. Блины елись с икрой, со сметаной, с балыком, с тертым сыром, со шпротами, да мало ли с чем можно есть столь прекрасную вещь — блины! Ну и, естественно, запивалось все это огромным количеством водки, хереса, коньяка.

«Дичь, темнота, варварство, — витийствовал учитель рисования женской гимназии, — нет на вас Рабле».

Впрочем, в городе он уже слыл вольнодумцем. А на самом деле гастрит не позволял ему никаких отклонений от диеты.

Его превосходительство — хозяин губернии слыл русофилом. Поэтому старинный масленичный обряд очень ценил, и как гастроном, и как любитель всевозможных молодецких забав.

Но это все потом. И проводы зимы, и взятие городка, и лихие кулачные бои.

А пока только-только закрутились колеса, застреляли, наполнили улицу вонючим дымом. Поплыла по городку широкая масленица.

Пять дней город объедался блинами. Пять дней практикующие врачи мило извинялись перед дамами, садились в санки и ехали спасать обожравшихся лабазников.

Наконец на льду Днепра началось главное — сошлись кулачные стенки. Лабазники и молодые купчишки, хватив на похмелье перцовки, выходили драться с «ремеслом».

Хорошо кормленные купеческие дети рубили голь по скулам и сами падали на лед, выплевывая вместе с кровью обломки зубов.

Гудел Днепр от топота, уханья, крепких слов. А на берегу, в открытых санках сидел генерал. Хихикал, тыкал куличешком в ватную спину ямщика. Подбадривал дерущихся тоненьким фальцетом.

Лабазники побеждали, в их стенке дрались десять лучших бойцов. Девять приказчиков с Роговской мукомольни и сын Рогова — Петька, огромный детина медвежьей силы.

Слободские уходили с истоптанного сапогами снега.

Уходили заливать брагой горечь поражения. Губернаторский приз — пять ведер водки — доставался лабазникам.

Петька Рогов вперевалку шагал к берегу. Там в роговском трактире ждал приз. И хотя он сам мог купить не только пять ведер, а, пожалуй, и губернаторский дом, и самого губернатора... Да что и говорить, многое мог купить наследник миллионера Петька Рогов! Но он яростно дрался за эти пять ведер. Дрался жестоко, до крови. Потому что он всей своей хозяйской сущностью понимал невозможность проигрыша. Ведь тогда водку будет пить «ремесло» с его мукомолен.

— Ах и молодец ты, Петр Сергеевич,—почтительно хлопнул хозяйского сына по спине один из приказчиков,— орел! Святой крест, орел!

— Как ты того, в армяке, хватанул,— глухо, как в бочку, хохотнул другой,— аж борода в сторону!

— Да мы с тобой...

— Идем, чего там, гулять будем! Зови всех наших, от меня еще пять ведер.

— Шалишь... Ох и орел, да с таким хозяином...

— За призом торопишься, ваше степенство?

Рогов обернулся. Перед ним стояли трое. Один в потертой чиновничьей шинели, двое в ладных полушубках.

— А ты чего? Выпить, чай, хочешь? Так пойдем, я вашего брата хоть и не люблю, но сегодня уважу. Пей, канцелярия.

— Ты только зря шубу накинул, ваше степенство,— голос был насмешливый, без почтения.

Да и глядел незнакомец на Рогова без страха, только в светловатых глазах прыгали веселые искорки.

— Ну ты! Смотри, а то на звание твое не посмотрю, заставлю лед носом пахать.

— Вот что, бери своих холуев. Давай стенку.

Рогов опешил от такой наглости, его дружки угрожающе придвинулись.

— Ну смотри,— Петька нарочно медленно потянул шубу с литых плеч.

И сразу замолкли зрители. Тихо стало на берегу. Шутка ли сказать, трое против знаменитых кулачных бойцов!

— Любопытно,— привстал в санях губернатор.— В духе французских романов господина Дюма. Эй,— крикнул он приставу,— кто такие?!

— Изволю доложить, ваше превосходительство, братья Харлампиевы. Да господин почмейстер лучше скажет. Алексей Тихонович, пожалуйста к его превосходительству.

Из толпы зевак вопросительным знаком на ножках выплыл почмейстер.

— Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, бывший мой чиновник, коллежский регистратор Егор Харлампиев, личность подозрительная и крайне безнравственная. Уволен со службы за поступок с чиновничьим званием несовместимый. Да, извольте, ваше превосходительство, какой либерал! Утром по лестнице присутствия на руках пошел, забыв что там особы чином повыше.

— Как так на руках? Молодой чиновник? У вас? Да если **о**се в губернии на руках ходить начнут? Нигилизм! Да-с, милостливый государь, нигилизм! Сначала неуважение к чинам, а потом...— губернатор повел рукой у самого почмейстерского носа.— Немедленно пишите прошение о лишении его чиновничьего звания. Немедленно!

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Ступайте прочь!

Почмейстер все так же спиной заскользил в толпу.

Несмотря на мороз, от него, как от загнанной лошади, валил пар.

А между тем противники остались в одних рубахах. Стали стенкой — десять против троих. Петька исподлобья оглядел своего противника. Что говорить, крепок, плечи, грудь выпуклая! Но куда ему... Куда? Петька примерился и с плеча — раз!

Как-то на мельнице заартачилась лошадь, забилась в постромах, так же тогда приложил он ей кулак-кувалду. Та только дернулась, да из ноздрей кровь и все.

Нет человека, который бы от такого удара устоял. Но почему-то вдруг острая боль под ложечкой заставила купца согнуться вдвое. Потом он щекой почувствовал холод снега, и, корчась на снегу, все никак не мог справиться с комом, катающимся в желудке.

Когда наконец Рогов смог дышать и приподнялся на локтях, то увидел, что четверо его дружков, выплевывая черные сгустки крови, словно слепые, ползают по льду. И эти трое стоят, как стояли. «Ну гады, я сейчас»... Он подполз к шубе, рванул из кармана заветную рукавицу. В ней была заложена тяжелая свинчатка. Давясь матерщиной, бросился на своего обидчика. Вся злость вложена в удар.

Егор Харлампиев увернулся случайно. Просто решил посмотреть, как дела у младшего брата. По скуле словно кувалда проехала. «Закладка», — обожгла мысль.

Он повернулся, левой рукой отбил в сторону новый удар, а правой, с прыжком, прямо по мясистому подбородку.

Петька, как во сне, сделал шаг вперед, выплевывая зубы, и рухнул, звонко лбом ударившись об лед.

Егор оглянулся. Братья не подкачали. Семь Петькиных подручных лежало. Двое бежали в сторону Смоленска, а вслед им улюлюкал, свистел берег.

Вся Рачевка повалила в роговский трактир распи-вать выигрыш. Егор, морщась от боли, натягивал шинель. Братья прикладывали к синякам снег, вытирали кровь.

Щеголеватый пристав в гвардейского сукна шинели, аккуратно придерживая шапку, спускался на берег.

Подошел, малиново звеня шпорами, небрежно руку в белой перчатке к козырьку.

— Господин Харлампиев, — процедил сквозь зубы, — кто позволил вам избивать почтенных граждан города Смоленска? — А голос переливался словно полицейский свисток.

— Это кто же почтенный гражданин? — Егор Харлампиев усмехнулся приставу прямо в лицо. — Этот? — он кивнул в сторону Петьки, которого тащили под руки двое приказчиков. — Этот? — повторил он громче и злее. — Кровосос он. У него в бараках рабочих червивым мясом кормят.

— Вздор-с. Да за такие слова! Молчать!

Шпоры от возмущения зазвенели сами.

— Я вам покажу! Я вас...

— Не пугайте, не надо, господин капитан. Мы, видите ли, не из пугливых, как вы успели убедиться.

Егор повернулся и пошел к берегу. А вслед ему грозили, неистовствовали шпоры.

* * *

Георгий Харлампиев, или, как его звала вся Рачевка, Егор, жил в маленьком двухэтажном доме на самом краю слободы. Но прежде чем начать рассказ о нем, нужно непременно рассказать об этой слободе.

Стояла она на горе, у подножия которой вились ручейки и речушки, вливающиеся в Днепр. Здесь-то и образовывал Днепр свои старицы. Сразу несколько. Ле-

том они зеленели тиной, покрывались изумрудной ряской. Водилась в них пропасть раков. Жители слободы таскали их сотнями. У каждого был свой секрет приманки. Со слободы отправлялись раки на рынок. Вот по имени этих-то малоприятных на вид обитателей Днепра и получила свое название слобода.

А кто жил там — понятно. От хорошей жизни не несешь на рынок покрытого слизью «гада». Жили в Рачевке мелкие кустари, рабочие-мукомолы, деповцы да обедневшие интеллигенты.

Семью Харлампиевых уважали. Даже самые горластые забулдыги, выйдя из кабака, давились песней у их дома. И только дойдя до угла, продолжали рассказ о том, как шумел камыш.

Жили Харлампиевы бедно.

У Георгия Яковлевича семья была большая — сын, гимназист Аркаша, и три дочери.

Принцип в доме был такой: любой труд, если он честный, достоин уважения.

Сам Георгий Яковлевич, после того как лишился чиновничьего звания, окончил ветеринарное училище, стал фельдшером. Он надолго уезжал в уезды. Аркаша учился в первой Смоленской гимназии, учился хорошо; он знал, что только первые ученики из бедных освобождены от платы за учение.

Утром, наскоро выпив чай с булкой, он через весь город бежал в гимназию. Любил ли он учиться? Трудно сказать. Мучительно почти пять часов сидеть в классе, кисло пахнущем чернилами. Мучительно и скучно повторять никому не нужные глаголы мертвых языков, когда за окном шумит смоленский парк, чуть дальше — Днепр, плоты, на горе развалины крепости короля Сигизмунда. Как он любил эту крепость! Каменные ступени, казалось, хранили еще следы беспечных польских

А. Харлампиев — ученик Смоленской гимназии

гусар. Здесь, в этих темных переходах, жестоко рубились они. Спускаться в подвал было опасно. Туда вела истлевшая от старости деревянная лестница. Но именно там, в подвале, и было самое главное, было нечто оставшееся от тех далеких времен. Он все же решился. Взял свечу и старый кондукторский фонарь. Пошел один. Специально. Чтобы побороть страх, тисками сжимавший его сердце.

В сторожевой башне, глухой и мрачной, куда пробивалась лишь узкая полоска света сквозь бойницы, Аркаша зажег фонарь. На грубоотесанных камнях заплясали причудливые тени, и сами камни ожили, они менялись, изъеденные веками, они уже стали лицами с гла-

зами, морщинами. Они смотрели на мальчика вековой мудростью, памятью столетий.

Аркаша сделал шаг, другой, подошел к люку. Квадратный проем звал его вниз. Страх уже не было. Какое-то странное чувство овладело им. От какой-то странной радости готово выскочить сердце из груди. Он знал, что здесь порог необычайного, еще не познанного.

Аркаша сделал первый шаг. Страж таинственной страны — лестница угрожающе скрипнула. Она сказала: «Стой!» Еще шаг, и опять скрип, более зловещий. Он сделал еще шаг. Потом еще и еще.

Вот он подвал! Вот оно, святая святых королевского замка!

Под сводами подвала гулко разносились звуки шагов. Ему казалось, что это бьется сердце, так же гулко и тревожно. Здесь света не было. Только желтое пятно фонаря на секунду разрывало мрак, а потом он вновь смыкался за его спиной.

Внезапно впереди мелькнул свет. Воздух сразу стал чище. Еще несколько шагов, и Аркаша увидел пролом в стене. В лицо ударило речной свежестью. Аркаша высунулся и зажмурился от солнца, казавшегося особенно ярким после сырой темноты подземелья.

До чего же красиво! Город лежал внизу словно театральный макет, зажатый серебристой подковой Днепра. Аркаша потушил свечу в фонаре, сел и стал смотреть на город, на легкие облака за Днепром. Потом он часто приходил сюда. Он любил смотреть на Смоленск через проем крепостной стены, который был похож на картину в раме из разбитого камня.

Однажды он нашел там чугунное ядро с прикованной к нему цепью. Конечно, мальчишка не мог оставить в замке столь ценную находку. Весь день он волоком тянул ядро в слободку.

Егор Яковлевич, вернувшийся из уезда, с интересом осмотрел находку.

— А знаешь,— сказал он, —ведь ядро тебе очень пригодится. Поднимай его вместо гири. Не бойся, что тяжелое. Наступит день — осилишь.

Дни тянулись медленно, словно телега по размытым колеям. Неторопливое губернское время.

На книжных полках дремали куперовские индейцы, спали вечным сном гусары под могильными плитами.

И опять в мундирчике не по росту и в мятой фуражке Аркаша торопился в гимназию. Стеклопанные двери классов, преподаватели в сине-зеленых мундирах.

— Харлампиев Аркадий!

Голос у латиниста тягучий. В глазах скука. Вицмундир сидит на нем как влитой — первый щеголь в гимназии. И прозвище свое имеет — Ландрин.

Аркадий встает, двумя руками одергивает курточку.

— Значит, так,—цедит слова латинист,—следовательно, Харлампиев Аркадий просклоняйте мне слово «homo», что значит человек. Нуте-с.

Как же надоели эти мертвые языки!

Но что делать, он начинает: Хомо, хоминис, хомини, хоминем, хомине...

— Садитесь, хватит. Следующий Бадейкин Сергей. Нуте-с.

Голос латиниста, липкий, как патока, заполняет класс. Тоска!

Зато Аркадий отдыхает на уроках истории и литературы. Историю преподавал вечно всклокоченный, в сюртуке, обсыпанном пеплом, учитель Трубников. Он ходил вдоль доски, бросал слова, как комья глины. Он лепил ими живые статуи Ивана Грозного, Шуйского, Малюты. От негодования голос его прерывался, когда он рассказывал о походах Лже-Дмитрия. Иногда Аркадию каза-

лось, что Трубников и есть тот последний русский ратник, уходящий из горящего Смоленска, бросивший сломанную саблю.

Но особенно любил Аркаша преподавателя рисования — Ильина. Высокий, стройный, он ходил в штатском, наглухо застегнутом сюртуке. Ильин был предельно вежлив и приветлив. От него исходила необыкновенная доброта к людям.

Однажды Аркаше надоело рисовать бесконечные гипсовые головы, и он нарисовал дорогу, двух ратников и за их спинами горящий город. Ильин долго, прищутив глаза, рассматривал рисунок, потом улыбнулся, положил его на парту и отошел молча.

А в воскресенье в доме Георгия Яковлевича появился неожиданный визитер. Аркаша никогда не видел учителя таким. Он был в просторной блузе, рубашке с мягким воротником и черным бархатным галстуком.

Он долго разговаривал с отцом. Пили чай. Потом долго гуляли по берегу Днепра. Когда Ильин ушел, Георгий Яковлевич погладил сына по голове.

— Молодец. Евгений Семенович сказал, что ты можешь стать настоящим художником.

Теперь у Аркаши появилось второе большое увлечение — рисование. Но, говоря о втором, мы совсем забыли рассказать о первом. Оно было традиционно для семьи Харлампиевых, где все мужчины славились завидной силой.

Тогда еще в обиходе не было слов «спорт», «физкультура». Еще только нарождалось первое в Москве русское гимнастическое общество. Всех, кто хотел стать сильным и ловким, звали гимнастами. Семья Харлампиевых была семьей смоленских гимнастов. Георгий Яковлевич не даром был первым кулачным бойцом.

Он и сыну привил любовь к атлетизму. С раннего

детства Аркаша в любое время года обливался холодной водой, подтягивался на импровизированном турнике. В шестом классе гимназии он уже играючи много раз поднимал ядро, найденное в старой крепости.

Георгий Яковлевич не мог нарадоваться на сына. Аркадий был не по годам крепким, он уже совершенно спокойно укладывал на обе лопатки здоровых грузчиков с днепропетровских пристаней.

Грузчики были мужики здоровые. Их староста — Ипат Звонарев, один спокойно сносил с борта на берег пианино. С ним Аркадий не боролся — не хватило бы силенок, но с молодыми ребятами пробовал. Здесь его выручала совокупность силы и ловкости. Грузчики хоть и были здоровы, но малоподвижны, неуклюжи. Аркаша ужом вертелся в их сильных руках и, уловив удобный момент, сам переходил в атаку и бросал противника на землю.

— Молодец твой сынок, Егор Яковлевич, ай молодец! — восхищался скупой на похвалу староста Звонарев.

Каждый гимназический год Аркадий с нетерпением ждал летних каникул. Летом Георгий Яковлевич забирал его с собой на конную ярмарку в Гжатск. Там они останавливались в доме давнишнего друга отца — учителя начальной школы Александра Матвеевича Коломина, долго пили чай вечером на открытой веранде, потом уходили спать в мезонин. Аркадий засыпал, предчувствуя радостный, необычно интересный день.

Ярмарка начиналась задолго до базарной площади. За несколько улиц она встречала людей веселым гамом: ревели трубы балаганов, надрывались гармошки, конское ржание сливалось с пронзительными воплями зазывал. Пожалуй, нет ничего интереснее и пестрее конских ярмарок. И кого только не увидишь здесь! Вот цыган черный до синева, рубаха красная порвана, а сапоги

лаковые бутылкой, в ушах серьги золотые, рукой в перстнях тянет красавца коня. А тот упирается, мотает точеной головой, перебирает ногами в чулках. Чувствуется — не его конь. Ворованный. То-то пристав на цыгана из-под козырька глазами зырк, зырк. Но как докажешь? Не пойман — не вор.

А вон там с невозмутимым видом стоят тяжелоногие немецкие гунтеры, незаменимые в работе, и орловские рысаки, тонконогие, с горящими глазами, и стройные чистокровные арабы, и спокойные рысаки английских кровей, и даже верблюды. Черт знает, как он сюда попал!

Вокруг пропасть разного народа. Помещики, купцы, кавалерийские ремонтеры, цыгане и просто такие, что за кошельком внимательно следят.

Аркадия увлекала, ошарашивала эта пестрота. Может быть, именно тогда и проснулся в нем художник. Этот калейдоскоп красок и лиц, море звуков, которое, имело свой собственный колер, заставляли его вечерами, на память делать эскизы головы цыгана, лошади с гордо вытянутой шеей, балагана с зазывалой на балконе.

Он стеснялся брать с собой акварель и альбом, поэтому старался запомнить все увиденное за день.

Приближался конец ярмарки. Уже гуляли в кабаках барышники, уже в кровь избили двух конокрадов, уже охрипли балаганные зазывалы и даже одуревшие от жары и непрекращающегося гомона городские без прежней строгости поглядывали на гуляющих.

Георгий Яковлевич в уездной земельной управе заканчивал составление актов о приеме конского поголовья для Смоленского племенного завода. Завтра они с Аркадием должны уезжать домой.

За все десять дней отец и сын впервые вместе пошли прогуляться по ярмарке.

— Господа! Почтеннейшая публика! Сейчас состоит-

ся несравненный чемпионат по французской борьбе между чемпионом России и Берлина — Алексеем Кречетом и борцом инкогнито Черной маской! Спешите! Спешите! Вход полтинник! — ревел в жестяную трубу зазывала.

— Давай, папа, посмотрим. Я ведь этого никогда не видел. Интересно.

— Это не очень интересно, Аркаша. Да и какие борцы приедут в такую дыру! — Но, взглянув в умоляющие глаза мальчика, подошел к кассе.

Сквозь рванный шатер балагана пробивалось солнце. Манеж, посыпанный грязными опилками, старые скамейки. Потрепанная занавеска отделяла манеж от кулис. Внезапно надрывно и хрипло заиграл граммофон. На манеж вышел невысокий человек в лоснящемся от старости фраке. Неведомые орденские знаки, очевидно купленные по дешевке на каком-то рынке, звоном отсчитывали каждый его шаг.

— Начинаем наше представление!

Замолкший на секунду граммофон заиграл вновь, и на манеж выскочили гимнасты.

Аркадий почти не смотрел на арену. Он ждал борцов. За гимнастами появился старик с дрессированными собачками, потом девочка-наездница, в конце первого отделения какой-то толстый человек, покраснев от натуги, поднимал гири. И наконец штальмейстер объявил:

— Матч-турнир за звание чемпиона Западной России и обладание почетным кубком. Чемпион Варшавы, Вены, Берлина, Тифлиса и Эривани Андрей Кречет и неизвестный борец Черная маска.

Граммoфон закрипел что-то уж совсем устрашающее, и на арену вперевалку вышли борцы. У каждого через плечо ленты, на них чего только нет: и звезды, и медали, и треугольные жетоны.

— Жулики, вот жулики! — засмеялся Григорий Яков-

левич,—ты только подумай, сынок, ведь я же Кречета знаю, мы с ним когда-то в гимназии учились. Это не Кречет. Взгляни внимательно на них. Какие это борцы, вместо мускулов один жир!

Граммфон затих. Надсадно ударил барабан. Борцы, скинув регалии, начали сходиться. Аркадий не успевал следить за мостиками, захватами, двойными нельсонами. Борцы работали уже минут пять, наконец мнимый Кречет бросил противника, балаган заревел, еще минута... Но Черная маска вырвался и поймал Кречета на двойной нельсон. Гигант грузно рухнул на ковер.

— Лопатки! — крикнул арбитр.— Победил Черная маска!

К борцу торжественно подошел хозяин балагана и вручил ему огромную серебряную вазу, желтый треугольник жетона и столбик золотых монет. Черная маска что-то зашептал хозяину.

— Почтеннейшая публика! Неизвестный чемпион под черной маской вызывает бороться любого из вас. Залог — три золотых. Победитель получает все!

— Пойти, что ли? — спросил рядом с Аркадием здоровый парень в поддевке.

— Брось ты, Гриша,— загудел его бородатый сосед.— Позору-то! Небось из купеческого дому. Негоже.

— Иди, Аркаша,— шепнул сыну Георгий Яковлевич— иди. Только сразу не давайся, вымотай его.

— Так есть желающие, господа?— еще раз спросил хозяин.

— Есть,— из второго ряда поднялся гимназист в серой форменной гимнастерке.

— Вы, молодой человек? — удивился хозяин. — Вы будете бороться с чемпионом?

— Да.

— А вы не боитесь?

— Нет.

А залог, три золотых империала?

— Я за него внесу,— через скамейки перешагивал Аркашин сосед.— Мы это можем, мы Фадеевы, мы второй гильдии купцы из Можайска. — Купец сунул руку в карман поддевки и положил на скамейку три золотые десяти,— ты не робей, господин гимназист, борись. Но чтоб без обману, не то к господину исправнику,— повернулся он к хозяину.

— Не извольте беспокоиться. Французская борьба — вещь честная.

Аркашу увели переодеваться. Когда он вышел на манеж в подобранном ему борцовском костюме, хозяин с тревогой взглянул на него. Гимназист был сложен как античный боец. Тугие мышцы шарами перекатывались под гладкой кожей.

— Ты его массой дави сразу,— шепнул хозяин Черной маске.

Аркаша посмотрел на отца, Георгий Яковлевич ободряюще улыбнулся.

Борцы сблизились. Аркашин противник был тяжелее его килограммов на пятьдесят. Кроме того, перед боем он натерся чем-то жирным. Не ухватишь. Аркаша решил измотать противника. Он бегал по ковру, нырял между ног гиганта, захватывал и тут же отпускал. Всеми силами он пытался избежать захвата, заставляя противника делать как можно больше лишних движений.

Зал стонал от хохота. Видимо, зрители никогда еще не видели столь странной борьбы. Черная маска начал дышать тяжело, хрипло. Вот он изловчился и чуть не поймал Аркашу на нельсон — только удивительная ловкость спасла его. Аркаша вырвался и бросил противника через бедро, еще усилие — и Черная маска лег на обе лопатки.

Зрители неистовствовали. А громче всех радовался можайский купчина.

— Гоните монету, жулики, прямо сейчас, а не то крикну урядника и в участок.

Хозяин балагана стоял бледный. Действительно, дело было серьезным: не дашь денег — публика разнесет цирк.

— Господа, господа! Пусть господин гимназист пройдет ко мне, там я вручу ему его законный выигрыш.

— Нет, — купчина грудью напирал на хозяина, — я три золотых платил, так что желаю видеть расчет своими глазами.

Георгий Яковлевич встал, подошел к купцу.

— Простите, сударь, вы внесли залог за моего сына. Позвольте вернуть вам деньги. — Харлампиев с поклоном протянул купцу три империала. — А за призом, — он повернулся к хозяину, — мы пройдем к вам.

Они сидят в тесной каморке, за неструганным столом. На нем столбик «золотых» монет — позолоченные двухкопеечные, оловянный кубок, медные звезды и медали.

— Вот, извольте сами убедиться, сударь. Откуда мне, бедному человеку, взять столько денег?

Хозяин балагана посмотрел на Харлампиева. Рядом с ним, устало опустив плечи, сидели два парня. Тот, кто называл себя Кречетом, морщась от боли, сорвал приклеенные усы. Сразу же борцы стали удивительно похожими друг на друга.

— Сыновья мои, — грустно усмехнулся хозяин, — могли бы стать хорошими артистами... — он помолчал немного. — Да видите ли, милостивый государь, цирк наш стогрел. Вот и приходится, чтобы не пропасть с голоду, народ обманывать. Я вам даже трех империалов возвратить не могу.

— Ничего, вы не беспокойтесь, — Георгий Яковлевич

положил руку на плечо собеседника, — я понимаю вас. Рад познакомиться. Позвольте представиться — Харлампиев Георгий Яковлевич, ветеринарный фельдшер, а это мой сын — Аркадий.

— А меня, — хозяин балагана улыбнулся вдруг добро и широко, — Самойловым Василием Сергеевичем зовут, сыновей — Андрей и Иван. Душевно признателен вам.

— Ваша лошадка на заднюю припадает, — Георгий Яковлевич встал, — так я ее погляжу, так просто, без денег. Пойдем, Аркаша.

* * *

Выпускной класс — дело серьезное. Восьмиклассник — это почти студент. Он уже держится по-другому, да и забот у него побольше! На третьем этаже гимназии, там, где разместились выпускные классы, тишина. В коридорах на переменах народу немного. Все в курилке. Шутка ли сказать, старшеклассникам официально разрешено курить!

Аркаша все свободное время отдавал живописи. Его наброски из Гжатска очень понравились Ильину. Он отобрал лучшие акварели и устроил в гимназии выставку. Она имела успех. Приезжали дамы-попечительницы. Внимательно в лорнет рассматривали акварели, мило щебетали. Даже сам попечитель учебного округа тайный советник Мордюков посетил выставку. Долго смотрел на голову цыгана и сказал:

— А ведь похож, похож, господа, похож. Хоть пристава зови. Рад. Весьма рад, что во вверенных мне учебных заведениях имеются подлинные таланты.

Он пожал руку Ильину, милостиво похлопал Аркашу по плечу и ушел вместе с сияющим от счастья директором. Аркадий серьезно начинал задумываться о художественном институте. Ильин просто настаивал на этом,

да и отец был за учебу в Москве. Конечно, учиться человеку без средств нелегко, но Георгий Яковлевич не боялся за сына. Молодой, крепкий, не пропадет!

Шли дни. Яркая осень сменилась мокрой зимой, потом незаметно подкралась весна. Все шло хорошо. По утрам Аркадий уходил в гимназию, днем готовил уроки и рисовал. А вот вечером...

В Смоленске гастролировал цирк Аржанского. Начал он с рождества, да так и задержался в Смоленске. Дела шли хорошо, публика цирк любила. Только приходилось часто обновлять программу. И однажды жители Смоленска прочитали, что на рождество в цирке Аржанского они смогут увидеть новый захватывающий аттракцион «Три-Арнольда-Три» — воздушные гимнасты под куполом цирка.

В день премьеры цирк был забит до отказа. Наконец штальмейстер объявил: «Три-Арнольда-Три!» Музыканты грянули туш, и на манеж выбежали двое мужчин и девушка в переливающихся блестками костюмах и масках.

Погас свет, музыка смолкла. Из-под купола спустились перекладыны трапедий. Женщина и один мужчина поднялись под купол, а второй полез вверх по совершенно гладкому шесту. Пока его партнеры кувыркались и раскачивались на трапедиях, он под аплодисменты публики добрался до площадки на вершине шеста и встал там. Теперь гимнастов освещал всего один прожектор.

Внезапно тревожно забил барабан. Зрители замерли. Гимнаст под куполом раскачался и прыгнул прямо на плечи своему партнеру, еще секунда — и рядом с ним его партнерша.

Зал обрушился громом аплодисментов.

В конце апреля Харлампиева вызвал инспектор гим-

назии Апполон Дмитриевич Кошелев. Инспектор нервно расхаживал по пустой учительской.

— Господин Харлампиев, позор! Вы лучший ученик, кандидат на медаль и вдруг цирк — «Три-Арнольда-Три». Надо отдать справедливость, работаете вы превосходно... А знаете ли вы, чем вам это грозит?

— Знаю, Апполон Дмитриевич.

— Волчий билет. Да-с, волчий. Зачем вы это делали?

— Зарабатывал деньги для учебы в Москве.

— Так-с. Пока об этом знаю один я. Знаю и молчу. Да-с, молчу, но вы должны уйти из цирка.

— Хорошо, Апполон Дмитриевич.

— Идите, голубчик, и помните наш разговор.

Аркадий ушел, а инспектор поехал домой. Переодевшись в парадный мундир, отправился к попечителю хлопотать о зачислении Аркадия Харлампиева, как лучшего ученика, в Художественный институт на казенный счет.

И вот наступил день, когда в актовом зале гимназии загремела музыка. Выпускной бал. Завтра они уже не будут гимназистами. Завтра снимут сине-голубые мундиры и, возможно, заменят их на студенческие тужурки.

После бала к Аркадию подошли инспектор и Ильин.

— Значит, так, Харлампиев,— инспектор на минуту замялся.— Мы с господином Ильиным были у его высокопревосходительства, говорили о тебе. Он вспомнил выставку, написал прошение. Вот ответ. Тебя зачисляют в Строгоновский институт на казенный счет.

— Апполон Дмитриевич...— голос у Аркадия сорвался.

— Полно, дружок. Полно, езжай, учись.

И инспектор крепко пожал руку бывшему гимназисту. По дороге домой Харлампиев думал о том, как часто мы бываем несправедливы к людям.

И вот снят мундир. Сосед-портной сшил Аркадию первый штатский костюм. Уложен чемодан, выслушаны

наставления матушки, куплен жесткий плацкарт до Москвы. До свидания, Смоленск! Поезд уносил его навстречу новой жизни. А какой она будет? Время покажет. Шел 1906 год.

ГОСПОДИН ЖИВОПИСЕЦ

Перед Москвой поезд прибавил скорость. Ключья дыма запутались в перелесках. За окном замелькали дощатые платформы, веселенькие дачки. Шлагбаум, замызанная лошаденка, и пошли дома из красного кирпича, похожие на казармы.

Аркадий волновался. В его воображении Москва рисовалась огромной и непонятной. Но вот поезд замедлил ход. Замелькали на перроне белые фартуки носильщиков.

— Вот она, матушка, — вздохнул за его спиной человек в акцизной фуражке. — Прибыли.

Аркадий взял свой тощий портплед и шагнул со ступеньки на крашеную платформу.

«Вот он первый шаг в новую, необычную жизнь», — подумал он.

Бежали носильщики, ресторанные артельщики-татары в белых куртках волокли куда-то подносы с шампанским, тут же суетились извозчики, солидно прохаживались кучера с собственных выездов. Аркадий вздохнул и нырнул в это суетливое разноголосое море. Он растегнул пальто, сдвинул на затылок шляпу. Черт возьми, он теперь москвич!

И он пошел сквозь толпу, не отводя глаз от случайных взглядов прохожих.

По рекомендательному письму отца Аркадий очень недорого снял комнату на четвертом этаже в Гранатном переулке. Хозяйка, старинная приятельница Георгия Яковлевича, с охотой отдала лучшую комнату зем-

ляку. Из окон ее были видны Патриаршие пруды, розовые от заката башни Кремля, сады в глубине московских дворов, бульвары.

•Москва сразу же захватила его. Город «лондонского сити и астраханских базаров» жил своей, непонятной постороннему, суматошной жизнью. Трудно было поверить, что когда-то по размытым мостовым везли на лобное место стрельцов, что именно здесь грозила высохшим перстом боярыня Морозова. И все же прелесть Москвы была именно в этом, глубоком переплетении диковой старины и элегантной современности.

Ночами у МХАТа стояли толпы студентов — ждали, когда откроется касса. Над неистовствующей толпой, грассируя, колдовал Северянин. Он только начинал тогда, и истеричные барышни брали штурмом залы, где проходили поэзо-концерты.

Но была и другая Москва. Она будила окраины злым ревом гудков. На Пресне, на Воробьевых горах, на Грузинах и Беждомках выходили на улицы подлинные хозяева города. Закопченные лица, руки, которые навеки обжег металл. Люди шли в огромные, холодные, как skleпы, корпуса цехов. Они давали городу жизнь, гнали кровь по застоявшимся его артериям.

Аркадий шел по Пресне мимо разбитых, обгоревших домов. Их ремонтировали неохотно, словно боясь, что после восстановления они вновь зло ощерятся из окон гранеными стволами «Смит-Весонов». Вчерашнему гимназисту трудно было разобраться в том, что происходило в городе. Но даже в воздухе Пресни чувствовалась напряженная настороженность. Казалось, крикни — и сразу же эхо ответит резким стуком револьверных выстрелов.

Из подмосковных лесов в город пробиралась осень. Аркадий сажился в маленький паровой трамвай и уезжал в глубь Сокольнической рощи, туда, где кончались дачи,

на трамвайный круг. Он шел по аллеям, мимо пустых подгнивших скамеек на свою любимую полянку. И там рисовал, стараясь передать всю яркость огненно-рыжих тонов.

Возвращался домой пьяный от воздуха, работы, впечатлений, падал на кровать и засыпал без сновидений. Иногда просыпался ночью, смотрел на синий свет фонаря за окном, и казалось ему, что под окном, поджидая, бродит его молодое счастье.

В канцелярии Училища живописи, ваяния и зодчества Аркадия встретил элегантный седогривый человек в безукоризненном костюме-тройка.

— А, господин Харлампиев, прошу - вас, присядьте. Наслышан о вас из письма моего ученика, вашего бывшего учителя Ильина. Рад познакомиться. Завтра начнутся занятия, вы зачислены в фигурный класс к Петру Ивановичу Келину.

Ну вот он и студент, вернее, «господин живописец». Завтра начнутся занятия, а пока нужно пойти к портному и заказать холщовую блузу, иначе перепачкаешь красками единственный костюм.

* * *

— Аркаша, кончай, пошли обедать.

— Подожди еще хотя бы полчаса.

— На кой черт тебе эти гипсовые дураки?

— Ну подожди все же.

— Ладно подожду, но только десять минут.

До студенческой кухмистерской недалеко. Кормят там не очень вкусно, но дешево и сытно.

Вместе с Мишей Покатиловым они занимают стол в углу. Вокруг все свои, в бархатных блузах с бантами. Шум, смех, шутки и пар над столами. Аппетитный пар.

— Аркаша, ты где вечером?

— Работаю.

— Да брось ты свой цирк, проживем!

— Нет, не могу.

* * *

Разговор, состоявшийся два месяца назад.

— Фас рекомендует, май фрайд, господин Аржански. Он писал мне, что фи отлични гимнастик. Что ж, я согласен попробовать фас.

От господина директора цирка пахнет пивом и сосисками. Он толст, краснокож и добродушен.

— Оплята за каждый выход. Ферштейн?

— Яволь,— улыбается Аркадий.

* * *

И снова арена. Но теперь настоящая, большая. Да и публика более взыскательная! Аркадий работает вместе с группой атлетов. Жонглирует пудовыми гирями, крутит на шее штангу с двумя тяжелыми колесами.

И так ежедневно. Утром училище, потом столовая, потом цирк.

Что ж, он молод и крепок. Он не пропадет. А летом этюдник под мышку и компанией в деревню работать. Хорошо побродить по проселкам, после московской копоты всей грудью вдохнуть в себя пьянящий полевой запах, попить в избах кваску!

А разве не радостно помочь кузнецу. Бьешь пудовым молотом, и белые искры летят по закопченной кузне.

Они пешком исхаживали Подмоскovie. Писали избушки под соломой, маковки коломенских церквей, портреты загорских богомолков.

А в Рогачеве опять ярмарка с переливами гармошки

и ревом жестяных труб. А на площади шест гладкий, скользкий. На его макушке доска, а на ней сапоги лаковые и гармонь. Плати полтинник и лезь. Долез — твое счастье, а сорвался — канул полтинник в бездонный хозяйский карман.

Толпа вокруг смехом давится. Уже двадцатый сползает вниз, на позор и хулу. А рядом хозяин стоит посмеивается в бороду лопатой. Картуз, сапоги гармошкой, из-под кушака сытый живот, а по нему золотая цепочка с печатками.

— Эх, была не была,— к шесту подошел кудрявый парень, шмякнул хозяину в ладонь горсть потной меди.— Женюсь, авось на свадьбу сапоги заработаю! — Скинул опорки, подтянулся. Лицо краской налилось, вот-вот лопнет. Еще, еще...

Толпа гудит; «Давай! Лезь Петруха!» Сорвались руки и вниз, как по ледяной горке. А в толпе господа живописцы стоят, смеются. Вдруг один подошел, вынул из портмоне целковый, сдачу взял аккуратно.

А толпа хохочет. Ох и насмешил, ваше благородие! Ну куда ж прешь-то, без силенок?...

А хозяин улыбается, ему главное, чтоб завод был, почин. А господа живописцы ближе подошли, смеются.

— Давай, Аркаша, покажи столичный класс.

Аркадий подмигнул друзьям. Ну, мол, смотрите. Подошел, ухватился одной рукой, рывок. Сразу перехват, второй, еще, еще.

Толпа ахнула: «Вот те на!»

Еще два рывка, и рукой с доски сапоги вниз. Бух. Гармонь бросать жалко, поэтому снял ее осторожно — и вниз.

Толпа молчит. Хозяин соляным столбом застыл, глаза злые. А господа живописцы смеются, дымят сигарками.

— Молодец, Аркаша, ну просто молодец!

Аркадий прыгнул на землю, огляделся.

— Где жених-то, ребята?

— Тут мы,— вышел из толпы лохматый парень.

— Держи,— Аркадий протянул ему гармонь и сапоги.— Женись.

— Да я, ваше благородие... Эх,— схватил подарки, а что сказать — не знает.

— В ножки его благородию, в ножки,— зашумели в толпе.

Парень, словно перед иконой, бухнулся в ноги.

— Да ты, брат, что,— Аркадий поднял его.— Мы студенты, постыдись.

И парень как пьяный пошел сквозь толпу, прижимая к груди неожиданный подарок.

Кто-то осторожно тронул Аркадия за локоть. За спиной улыбался заискивающе хозяин.

— Извиняюсь. Не знаю, как звать-величать. Но об деле одном желаю поговорить. Я, видите ли-с, все балаганы содержу. Может, согласитесь у меня гимнастом. Не обижу-с.

— Ребята,— Аркадий повернулся к друзьям,— как с деньгами у нас?

— Маловато.

— Ладно, борода. Сколько за выход?

— Синенькую.

— Идет.

А через несколько дней дальше. С трудом верилось, что всего в полусотне верст от Москвы начиналась глушь — разбойничьи леса, непроезжие дороги, гнилые посадки, облупившиеся деревянные соборы, лошаденки с присохшим к шерсти навозом, пьяные побоища, кладбища с поваленными крестами, овцы в избах, больные дети, суровые монастыри, юродивые, засыпанные тру-

хой базары с пороссячьим визгом и бранью, нищета, воровство.

И казалось, что вечерами разносятся над землей плач и стон голодных и обездоленных.

Не надо было обладать острым взглядом художника, чтобы увидеть контрасты. Яркие фейерверки в усадьбе Орловых под Обираловкой. Безвкусный, но величавый дворец Разумовских в Горенках. И повсюду словно грибы вырастали фабрички и мануфактуры и шли туда из сел на заработки. Шли в душные бараки, ели гнилье из хозяйских лавок и били земные поклоны, чтобы господь послал лучшую жизнь.

И Аркадий рисовал все это. И щемящая боль рождалась в сердце, она не давала уснуть, делала никчемными и ненужными споры о кубизме, урбанизме и прочих новомодных течениях тогдашней живописи.

В Москве все оставалось по-старому. Только товарищи снисходительно улыбались, глядя на летние зарисовки.

— Ты, Аркаша, слишком реалистичен. Время передвижников кончилось, сейчас бог живописи — цвет, он должен передавать настроение. А у тебя? Мрак какой-то, задворки жизни.

Он отмалчивался, думал над картиной о жизни фабрики. Он уже видел ее. Барак, длинный-длинный проход, тусклый свет лампы и лица людей, уставшие, страшные лица.

Теперь и Москву он воспринимал иначе. Иначе воспринимал слова чеховских героев с мхатовской сцены. Как же мог он, человек, родившийся в смоленской слободке, ежедневно сталкивающийся с несправедливостью и нищетой, забыть о своем долге перед народом, уйти на два года в ненужные споры московской богемы!..

* * *

— Аркашенька, голубчик, — стукнула в дверь хозяйка Алевтина Петровна, — к вам гости.

Аркадий вскочил с постели, начал натягивать брюки.

— Простите, Алевтина Петровна.

— Не ожидали, Аркаша, — на пороге, улыбаясь, стоял Ильин, а рядом с ним товарищ по гимназии — Алеша Певенцов. Алешка здорово изменился. Из неуклюжего гимназиста превратился в высокого студента-технолога и даже бородкой обзавелся.

— Господи, Евгений Семенович, Алеша! Что же вы стоите? Заходите же! Алевтина Петровна, нам бы чайку... Да садитесь!

— Не беспокойтесь, Аркаша, — Ильин шагнул к Харлампиеву, — дайте я вас обниму, голубчик. Молодец. Видал, видел ваши летние работы; от всей души рад, что не ошибся в вас.

Они сидят за столом, обжигаясь, глотают крепкий душистый чай.

Пожалуй, никому уже давно Аркадий не был так рад, как этим неожиданным гостям. Ведь Ильин понимает его, он же не похож на этих снобов из училища!

Засиделись за полночь. Говорили о Смоленске, о живописи, об общих знакомых.

— Ну что же, — Ильин взглянул на часы, — мне пора. У меня к вам вот такая просьба, Аркаша: пусть Алексей у вас несколько дней поживет, ему домой идти нельзя.

— Почему?

— Об этом он вам сам расскажет. Так можно?

— Господи, конечно! Я сейчас к хозяйке.

Упрашивать добрейшую Алевтину Петровну долго не пришлось. Конечно, если нужно, пусть этот милый юноша пробудет здесь сколько нужно.

Ильин ушел, товарищи остались вдвоем.

— Тебе, конечно, интересно, Аркаша, почему я не могу идти домой. Но там меня ждут, видимо, для того, чтобы арестовать.

— Значит, ты...

— Да, я работаю для народа. Ты, конечно, помнишь наши споры о долге, призвании, служении людям. Я выбрал свою дорогу.

Аркадий молча мерил шагами комнату, потом открыл шкаф, достал папку с акварелями, с карандашными набросками, молча положил перед товарищем.

— Смотри.

Проговорили до самого рассвета. Они еще и сами не понимали, какая огромная ответственность легла на их плечи. Ответственность за будущее Родины.

Через три дня Алексей ушел. Жизнь пошла своим чередом. Училище,

выступления в цирке, поездки по окраинам. Все казалось было таким же, но вместе с тем все удивительно изменилось. Вечеринки художников в мастерской, театральные премьеры и поэзо-концерты на какое-то время заслонили от него самое главное, без

которого не может жить ни один честный человек.

Он вновь вспоминал свой первый московский день. Вспоминал дома на Пресне, разбитые снарядами. Ему, конечно, было еще трудно разобраться в этой политической обстановке, которую переживала Россия. Он с трудом разбирался в программах многочисленных партий. Но знал он одно — его судьба неразрывно связана с судьбой народа и место его среди тех, кто борется за светлое будущее всех трудовых людей.

Аркадий не знал адреса Алексея. Из последнего разговора он понял, что его друг перешел на нелегальное положение. А именно Алексей был необходим ему сейчас. Только он мог бы ему помочь разобраться в происходящем.

Это случилось в апреле. Алевтина Петровна ушла на базар — приближалась пасха. Аркадий оставался в квартире один.

Внезапно в прихожей забился колокольчик. Аркадий открыл дверь.

— Алешка! Каким ветром?

Алексея узнать было нелегко. Он был в щеголеватом пальто с воротником шалью, массивной тростью в руках, на голове вместо студенческой дворянская фуражка с красным околышком.

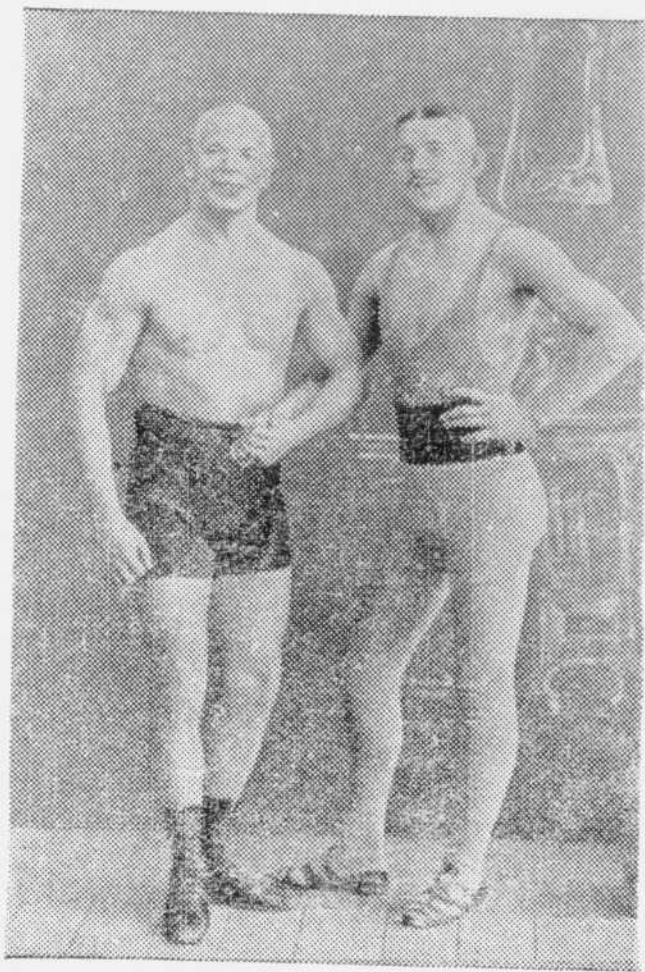
Рядом с ним офицер с погонями поручика.

— Не удивляйся, Аркаша. Это мой друг, зовут его товарищ Сергей. Мы к тебе по очень важному делу.

— Заходите, заходите, я совсем один в квартире.

Поручик, звеня шпорами, прошел первым, небрежно скинул шинель, за ним Алексей.

— Аркаша, у нас к тебе вот такая просьба, мы решили издать несколько листовок — обращений к рабочим. Хорошо, если бы ты помог как художник — нарисовал карикатуры на фабрикантов.

А. Харлампиев в Москве.

В эту ночь в комнате Харлампиева долго не гас свет. Никогда еще Аркадий не работал с таким подъемом и радостью.

Свет в окне господина живописца почему-то очень беспокоил невысокого господина в просторном пальто и котелке, надвинутом на глаза. Он мерил шагами противоположный тротуар, дымил дешевой сигаретой, позевывал в ладонь. А утром его сменил другой господин в таком же пальто и котелке и с такой же вонючей сигарой. А тот, первый, крикнул извозчика и назвал адрес «Гнезниковский переулок».

Извозчик внимательно взглянул на седока: «Из сыскного». Он в сердцах сплюнул, значит, поедет на шермока, их брат денег не платит.

Помощник начальника Московского охранного отделения Евстратий Павлович Медников, рыжеватый, человек, стриженный скобочкой, был больше похож на купца-старообрядца, чем на начальника всей агентурной сети империи. Он не курил, пил только домашние наливки, одевался, как чиновник средней руки.

Рабочий день Медников начинал с разбора рапортичек. Утром сменные филеры доставляли в сыскное результаты наблюдений.

Так и есть, опять его ребята зацепили бывшего студента-технолога Алексея Певенцева, а вместе с ним неизвестного, проходившего по агентурным донесениям.

Улов был серьезный, и поэтому Медников приказал вызвать к себе филера, следившего за ними. Тот осторожно вошел и вытянулся, не доходя до стола начальства.

— Ну, что скажешь, голубь?

— Евстратий Павлович, взяли на Тверской, в кафе Филиппова, довели до Гранатного переулка, там они вошли в дом номер шесть.

— К кому, к кому?

— Доподлинно знаю, что посещали квартиру вдовы бывшего военного фельдшера Алевтины Никитиной, там у нее живописец из Смоленска проживает — Харлампиев Аркадий.

— Ходили-то зачем, голубь?

— Не могу знать.

— А Харлампиев кто, кто?

— Студент, живописец, не пьет, платит исправно за квартиру. Выступает в цирках Никитина и Соломонского, говорят, что человек со средствами.

— Эх ты, голубь. В цирках выступает, эка невидаль! Ты слышал, господин Зубатков, что говорил? Борода и Корнет типографией подпольной занимаются. Смекай, зачем им живописец нужен. Глаз не спускать. Упустишь, голубь, морды разворочу.

Цирк был полон. Артистов несколько раз вызывали на «бис». Особенным успехом пользовались атлеты. Аркадию несколько раз приходилось повторять номер. Он очень устал. В уборной сел к столу, посмотрел на себя в зеркало. Так перегружаться нельзя, тем более он несколько дней не тренировался. И Алексей пропал куда-то, не пришел за рисунками.

Дощатая дверь уборной отворилась без стука.

— Аркашенька,— заглянул в уборную клоун Бим,— тут тебя господин дожидается.

Аркадий накинул халат, вышел в коридор. У лестницы стоял Ильин.

— Аркаша, вам надо уезжать. Срочно. Алешу и Сергея взяли, за домом вашим слежка. Помните, говорили о том, что вы хотите учиться в Париже?

— Да.

— У вас есть деньги?

— На год хватит.

— Поезжайте, я достал вам рекомендательные письма к ректору Школы изящных искусств. Уезжайте. Аркаша, мало ли что... Только спокойнее, не волнуйтесь, мы с вами в Париже встретимся.

* * *

Щеголеватый пристав с гвардейскими усами протягивает ему заграничный паспорт.

— А позвольте полюбопытствовать, господин Харлампиев, что заставляет вас, студента-выпускника Училища живописи и ваяния, уезжать в Париж?

— Я, господин капитан, еду продолжать образование в Школу изящных искусств.

— Значит, у вас есть средства или...— пристав глубокомысленно проводил пальцами в воздухе.

— Нет.

— Ну что ж, добрый путь,— офицер недоуменно развел руками.

А потом был Брестский вокзал, и крик паровоза, печальный и резкий, и к чувству радости от скорой встречи с Парижем примешивалась боль за тех, кто остался в Москве.

Поезд набирал скорость...

СОЛНЦЕ НАД КРЫШАМИ

Раньше всего солнце приходит сюда, под крыши, в мансарды. От него невозможно спрятаться, оно занимает все окно. Значит, пора вставать. Аркадий никогда не просыпался так охотно, как здесь, в Париже. Здесь не чувствовалась обыденность бытия. Не было ощущения ненужности, когда заводишь часы на новые сутки.

Правда, у Харлампиева давно уже не было часов. Заложены. Увы, не хватало денег, Но разве это глав-

ное! Ведь из окна его комнаты был виден Париж. Крыши, море черепицы, похожей на зыбь, струйка дыма и Эйфелева башня.

В комнате умывальник, кровать, стол, скрипящие стулья, шкаф, ровесник якобинцев, и мольберт. И главное, красок много. Значит, можно работать.

Солнце сбрасывало его с постели. Часы были не нужны. Лежа, он безошибочно определял время. Если солнце в правом верхнем углу окна, значит, скоро шесть. Гимнастика, недолгий туалет, и он бежит вниз по лестнице.

На первом этаже гремит совком сухонькая консьержка мадам Николь.

— Бонжур, мадам! — Харлампиев улыбается ей, солнцу, Парижу.

— Са ва, мосье Аркадий!

Мадам Николь опускает веник и глядит ему вслед, покачивая головой.

Ох уж этот русский! За душой ни гроша, в комнате мольберт и краски — все богатство. А в кармане, конечно, последние сантимы. О-ля-ля, еще один будущий Гоген или кандидат в самоубийцы. А впрочем, она любила этого веселого крепкого парня. Он был аккуратен, трудолюбив и исправно платил за квартиру. А кто как живет,— разве это главное в Париже?

Аркадий уже чувствовал себя настоящим парижанином. Шутка ли, полгода он живет в этом городе, похожем на картину волшебного фонаря. Город кружил людей, уводил их в глубь своих улочек. По ним можно ходить без конца. Они выгибают булыжные спины, втискиваются между домами и выбрасывают вас под сияние фонарей на Больших Бульварах.

•Особенно хорош Париж после дождя. Блестящие очертания полукруглых графитных крыш. Смотрят от-

туда в туманное небо мансардные окна. А выше — трубы, трубы, трубы, дымки. Прозрачный туман над городом, раскинутым чашей, будто выстроенным из голубых теней. Воздух влажен и нежен; пахнет ванилью, деревянными мостами, дымками жаровен и каменных труб, бензином и духами — особый воздух вечного города.

Харлампович полюбил его сразу, сойдя со ступенек Северного вокзала. Париж поразил его. Он оглушал пестротой, разноголосицей, шумом. Аркадия толкали, наступали ему на ноги, но никто не извинялся. Люди улыбались ему и проходили мимо.

Наконец он с трудом залез в омнибус. Купил билет за 15 су и поднялся на империал. Казалось, что омнибус заблудился в городе. Он плутал по улицам, пересекал площади, взбирался вверх по крутым улицам и обрушивался вниз в шум маленьких уличных оркестров и чад жаровен.

Аркадий добрался до квартала Сен-Дени. Именно здесь посоветовал Ильин найти недорогую комнату. А потом там живет много веселых людей — поэтов, художников, музыкантов.

Аркадий снял комнату на маленькой улочке Горинет, рядом с церковью Сэнэ-Кер, недалеко от монмартрского кладбища. Наплевать что дом пользовался сомнительной репутацией, черт с ним, что грязно и шумно, главное — вид на Париж! Из его мансарды город был виден весь, с бульварами, зеленью парков, синим ожерельем Сены, мостами.

Глядя в окно, Аркадий чувствовал себя хозяином города, он здесь, рядом, под его ногами. Хочешь, — смотри долго-долго, а хочешь — рисуй!

Часами гулял по его улицам, набережным, паркам. Он много работал. В Парижской школе изящных искусств все были увлечены импрессионизмом, до хрипоты

спорили на выставках Гогена, Сера, Сеньяка. Первые дни художники подшучивали над его слишком тщательным французским языком, над его костюмами и пальто. А потом привыкли. Вернее, привык Аркадий. Сменил одежду. Он теперь, как и все, носил просторную блузу, рубашку «апаш», шляпу надевал только в дождь.

Наступило и это утро. Аркадий шел по улице. Город просыпался. Цокал по мостовой фургон булочника. На козлах хозяин — мосье Лессак, толстый, добродушный, любитель перно.

— Бонжур, мосье Лессак!

— О, мосье Аркадий, бонжур, бонжур мон ами, я жду вас вечером, есть возможность заработать!

— Прекрасно, буду ровно в семь.

Какой молодец этот толстяк! Дает заработать. Хоть немного, но дает. Прекрасно, значит, хватит денег еще дня на три.

Еще рано, все спят. Только зевает на углу ажан в каскетке и пелерине.

— Как всегда рано, мосье Аркадий?

Он вежливо подносит два пальца к козырьку.

— О да, мосье, такова жизнь.

Из подвала даже через дверь чувствуется крепкий запах кофе. Три ступеньки вниз, и он в бистро. Несколько рабочих, прислонясь спиной к цинковой стойке, пьют аперетив. Над ними царствует хозяйка — мадам Жаклин. Важная дама, пудов этак на пять. Она убирает стойку, протирает стаканы, разливает вино в бутылки.

Завтрак скромный. Стакан кофе и пара бриошей. И снова к себе под крышу. Пока светит солнце, надо успеть дорисовать, надо не упустить этот единственный момент дня, когда на городские крыши улеглось отдохнуть солнце. Через час оно спустится вниз, на улицы. А пока оно здесь, совсем рядом, хоть рукой коснись.

И он рисует крыши, Эйфелеву башню и солнце над Парижем. Рисует, смотрит. Нет, не то. Совсем не то, что хотелось. Не хватает той неуловимой точки, пятнышка, которые в одно мгновение оживят полотно, придадут ему завершенность. Но ничего, лето только начинается, и еще будет много солнца. Еще есть время. Кстати, о времени.

Из угла окна солнце переместилось в центр. Значит, скоро девять, пора на занятия.

Аркадий идет по Парижу. Нет, омнибус ему не нужен, а фиакр не по карману. Он спешит по вечному городу, начавшему свою привычную, веками сложившуюся жизнь. Обычный гражданин Парижа, как и все. Ведь здесь, чтобы стать парижанином, нужно совсем немного: хороший характер и бесконечный оптимизм.

Ох уж эта Школа изящных искусств! Здесь каждый второй — гений. Здесь каждый — Сеньяк. Здесь каждый метит в Гогены.

Учитель Аркадия — метр Арну. Седой, элегантный, с точеным римским профилем и осанкой наполеоновского кирасира. Он молча глядит на этюд и, пережевывая ароматный сигарный дым, говорит:

— Слава — это непрерывное усилие, так сказал Жюль Ренар. Идите и попишите до боли в глазах, до боли в пальцах. Из вас получится толк, тем более, что вы русские очень упорные.

Аркадий берет этюдник и уходит на берег Сены.

Он рисует портрет букиниста. Человека, в ком ум философа уживается с характером бродяги. Харлампиев давно задумал этот портрет: стертые плиты набережной, куча книг, старик с трубкой. Лицо в морщинах. Покой и мудрость. Словно само время расписалось на этом лице.

Где-то за стенами домов шумит город. Щели улиц

наполнены грохотом омнибусов и ревом уличных оркестров, а здесь тишина.

Сквозь вытертые плиты набережной пробивается трава, ветер шевелит пожелтевшие страницы книг, да Сена чуть слышно трется о гранит набережной. Тихо и спокойно. Здесь царство книжников и рыболовов. Сидят, дымят трубками, смотрят, как скользят по Сене прогулочные лодки да как прошлепает по реке пузатый буксир.

Набережные были словно государством в государстве. Кроме чудаков-букинистов и рыболовов-философов здесь под мостами жили бродяги. Мрачные люди в лохмотьях, с лицами, лоснившимися от грязи. Им было решительно наплевать на все, и каждого новичка они считали «фликом»* и готовы были немедленно сбросить в Сену.

Аркадию пришлось столкнуться с их главарем. Именно его никто не знал, все звали его просто Биб. Стычка была короткой и окончилась совместным купанием. Аркадию пришлось самому броситься в Сену, спасая противника. После этого по молчаливому согласию его стали считать своим. У Харлампиева появилось даже постоянное место — на одной из причальных тумб.

А за окном море черепицы. А на улицах поют: «Париж остается Парижем...»

Аркадий разложил на столе последние медяки. Не густо.

— Мосье Аркадий!

В дверь постучали.

— Входите мадам Николь!

— О бедный мальчик, вы совсем отощали! Спускайтесь ко мне, у меня суп с сыром, чудесное рагу из кроли-

* Полицейский агент — жаргон.

ка. А кроме этого, для вас приготовлен небольшой сюрприз.

— Спасибо, мадам, я сейчас.

Аркадий взглянул на свой ботинок. Что делать? Он подмигнул сам себе и начал спускаться по гулкой винтовой лестнице.

В маленькой комнате, заставленной массивной, мрачной мебелью, сидел за столом здоровенный детина в светлом клетчатом костюме.

— Мой племянник, Жак. А это тот самый русский, наш жилец.

— Садитесь, мосье Аркадий,— Жак оценивающе оглядел Харлампиева.

Рагу из кролика с овощами, пинар — вино, без которого во Франции не садятся за стол. И какие-то перспективы заработать. Есть от чего повеселеть! За обедом Жак шутил и приглядывался к Харлампиеву. После кофе с малиновым ликером встал, похлопал гостя по плечу.

— Вы мне очень нравитесь, мы, я надеюсь, сговоримся. Жду завтра.

Жак сунул в карман Аркадия визитную карточку.

«БОКС-КЛУБ»

Найти мосье Жака было не очень трудно. На маленькой площади стоял здоровый дощатый балаган, весь обклеенный пестрыми афишами. На них дубасили друг друга молодцеватые парни в пухлых перчатках.

Аркадий толкнул дверь. В нос ударил острый, устойчивый запах пота и табака. Посреди балагана на помосте стоял ринг, над ним висело несколько фонарей. Вокруг скамейки, уступами уходившие в полумрак. Привыкнув к темноте, Аркадий внимательно огляделся, заметил в углу дверцу, без стука вошел.

Жак сидел за столом под портретами звезд ринга. Вся маленькая комната была плотно заклеена огромными фотографиями с размашистыми подписями в углах.

— О-ля-ля, Аркадий! Садитесь. Сначала вас нужно посмотреть. Да не стесняйтесь! Раздевайтесь смело. Чудак! Здесь же все свои!

Только сейчас Аркадий заметил в углу низенького плотного человека с перебитым носом.

— Это господин Гастон, наш тренер, от него зависит все, — Жак многозначительно поднял палец.

Аркадий сбросил пиджак, рубашку...

Гастон внимательно оглядел его, ощупал мышцы.

— Попрыгай, дружок.

Он хлопнул парня по голой спине, улыбнулся, показав пожелтевшие от сигар зубы.

— Пойдет!

— Теперь, Аркадий,— мосье Жак плюхнулся в кресло,— условия. Гастон будет вас тренировать. Подготовив, выпустит на ринг. Каждый бой—10 франков. В случае победы надбавка 20 процентов. Через день работать спарринг-партнером с чемпионами. Это больно, но плата та же, только минус победа,— Жак гулко расхохотался.

— Совсем неплохо. А? Не так ли?

Конечно, это было совсем неплохо. Можно жить и рисовать. Можно не думать, чем заплатить завтра за обед.

* * *

Разговор, который состоялся через месяц.

— Шеф,— Гастон присел на край стола,—Аркадий подлинный клад. У него стальные мышцы, великолепно

ный удар, прекрасная подвижность. Этот мальчик будет чемпионом, если с ним поработать как следует.

— Вы так считаете, Гастон? — Жак выплюнул обкусанный конец сигары. — Любопытно. Значит, на нем можно будет заработать?

— Я говорю о другом. Аркадий прирожденный боксер.

— Бросьте, зачем ему бокс? И зачем мне новый чемпион?.. Но если он хорошо работает... Занимайтесь с ним, дружище. Потом мы его выпустим на ринг., Я думаю, что немного мы заработаем на этом русском.

Гастон кивнул и вышел. Он не любил Жака. Тренер знал, что спорить с хозяином бесполезно. Жак даст парню несколько раз выиграть, заработает в тайном тотализаторе свою тысячу франков, а потом выгонит парня на улицу. А жаль, ведь Аркадий мог стать действительно хорошим бойцом!.. Ну что делать...

Гастон со злобой толкнул дверь в тренировочный зал. Аркадий в борцовском трико самоотверженно лупцевал «грушу».

— Стоп, стоп, — Гастон поднял руку, — хватит, ты весь мокрый, отдохни немного, я тогда покажу тебе, как надо правильно ходить по рингу.

* * *

Старый боксер был опытным тренером. Через его руки прошел ни один десяток нынешних звезд. В боксе для Гастона не было тайн. Он точно знал цену каждому, кто поднимается на ринг. Знал его достоинства, слабости, знал даже букмекерские ставки.

Да, из этого русского может получиться отличный боксер, настоящая звезда ринга. Кроме того, он порядочен, честен и до дьявола увлечен живописью. Черт с ним, с Жаком. Гастон сделает из Аркадия боксера...

— Жак, черт бы вас побрал! Кого вы мне подсунули партнером? — чемпион Парижа итальянец Горрини был взбешен до крайности.

— В чем дело, Луиджи? — Жак поднял голову. — Оля-ля, кто же вам расквасил губы? Неужели...

— Именно.

— Вам не повезло. Я же предупреждал, что у парня превосходный удар. В следующий раз будьте очень осторожны.

...- Аркадий, ты опять запаздываешь. Крюк правой по корпусу и сразу же левой в голову. Вот так! Ты понял?

— Да, Гастон.

— Начали.

— Так, так, молодец, сынок. Всё, отдыхай...

Утренние тренировки кончались в одиннадцать, а вечером Аркадий выходил на ринг. Да, Гастон не зря тренировал его. Ровно столько времени, сколько нужно. Харлампиев уходил от ударов, подставляя под них литые плечи.

Ах, если бы было можно! Он одним ударом положил бы этих сопящих над его головой чемпионов. Но работа есть работа. В нужный момент Аркадий ложился. Мосье Жак был доволен. Русский оправдал надежды.

Этот бой начался так же, как обычно. Аркадий сидел в своем углу, положив на канаты руки в тяжелых перчатках.

Противник запаздывал. Зал начинал недовольно шуметь. Аркадий старался не смотреть в зал. Ему казалось, что все сидящие сливались в одно живое, орущее, колышущееся пятно, над которым густыми клубами поднималась сигарная вонь.

Но вот шум усилился. Зал засвистел, зааплодировал.

Из своей раздевалки на ринг вышел противник Аркадия. Они сошлись на середине, пожали руки друг другу. Гонг! Бой. Уходы, нырки, защита. Противник остервенело бил по перчаткам. Удары звонкие, как раз на публику.

Первый раунд. Второй. Еще четыре впереди, лечь надо в шестом.

В перерыве к Гастону подошел Жак. Он отвел тренера в сторону и что-то шепнул ему на ухо. Гастон покосился на Аркадия и кивнул головой.

— Мальчик, ты сможешь положить его в третьем?

— Наверное, а что?

— Так надо, сможешь?

— Смогу.

— Иди.

Наконец-то Аркадию можно будет подраться по-настоящему. Одним прыжком пересек ринг, встретил противника в углу.

Резко левой по корпусу. Так. Защита у тебя неважная. Теперь правой. Опять пропустил. Главное навязать ему свою манеру боя.

Атака была стремительная. Казалось, что француз потонул в море ударов. Он нервничал. Уходил, никак не мог перейти в контратаку.

Внезапно Аркадий опустил руки. Француз увидел открытую челюсть. Всю силу вложил он в этот удар.

Нырок под руку. Аркадий провел удар левой в печень, а правой резко крюком в голову.

Раз!

Француз сделал шаг вперед, покачнулся и рухнул на пол.

. Зал молчал. Потом слова рефери «Победил Аркадий Харлампиев» потонули в одобрительном реве зрителей.

Накинув халат на плечи, Аркадий пробирался к раз-

девалке. Его хлопали по спине, жали руки. Но он ничего не замечал. Шутка ли, первая победа! Первая настоящая победа!

В раздевалке Аркадия ждал Жак.

— О мой друг, я рад, что не ошибся в вас. Какой темп, какой удар! Поздравляю. Первая победа, день знаменательный. Многие меня не любят, но для друзей Жак не жалеет ничего.

Он достал бумажник, вынул стофранковую бумажку.

— Вот ваш гонорар. Ваш. приз. Прощайте, мосье Аркадий.

Жак вышел из раздевалки.

— Дерьмо, — тяжело посмотрел ему вслед Гастон, — жучок, сегодня он заработал на твоей победе минимум три тысячи. Дерьмо.

Комната у Аркадия маленькая. Пять шагов от одного угла до другого. Сколько сегодня за ночь прошагал километров? Мимо окна, из угла в угол.

Пожалуй, нет ничего страшнее боли. Но не той, которую причиняет перчатка противника. Нет. Синяки и разбитые губы — чепуха. У Харлампиева болело сердце от этого позора и унижения. Бокс по-настоящему захватил его. Нет, он не стал обыкновенной машиной, защищающейся и наносящей удары. Нет. На ринге он был творцом, таким же, как за мольбертом. Аркадий любил плести сложные комбинации, опутывать противника, предугадывать его решения. Ах, как это было прекрасно, читать человеческие мысли по движению ног, повороту корпуса, положению рук! За несколько месяцев Аркадий в совершенстве изучил молчаливый язык боя. Теперь и для него не было секретов на ринге. Теперь он точно знал, когда необходимо сжаться в пружину, и — удар короткий, резкий, последний в мачте. Но что он мог сделать? Хочешь учиться — мирись с

системой мосье Жака. Да, его хозяин неплохо наживался на боксе. Сборы не были основной статьей его дохода. Подумаешь, три-четыре сотни франков в день! Пустяк. Главное — тайный тотализатор. Подручные Жака заключали пари со зрителями. Они точно знали, в каком раунде и кто победит. «Бокс-клуб» был далек от настоящего спорта.

Но ведь был же где-то настоящий честный бокс! Без дельца Жака, без его потнолицых помощников. Был, и о нем много рассказывал Аркадию Гастон. Но пока делать нечего. Контракт. Он тянул Аркадия, как тянет покойника на дно колосник. Еще целых пять месяцев Харлампиев должен работать на Жака. Целых пять.

Есть деньги — и лавочники начинают смотреть на тебя с уважением. Мадам Николь не скупилась на похвалы своему постояльцу. О, Аркадий честный парень, и ее племянник сказал, что он будущий чемпион, значит, скоро к нему поплывут большие деньги! Он будет, как Карпонтье, иметь свою виллу и автомобиль.

Но пока до виллы было далеко. Слава богу, что куплены костюм, пальто и две пары ботинок! И, конечно, краски.

*

Гоген. Он был кумиром Аркадия. Он впервые увидел живописца в Москве. В зятанутых коврами залах шукинского особняка. Казалось, само солнце жило на его полотнах. Черная синева, песок коричневый, как тела таитянок, тяжелые стены прибоев.

Аркадий очень любил этого необыкновенного художника с руками, пахнущими смолой и красками, с хмурыми глазами и широкой грудью матроса.

После его полотен не хотелось брать кисть в руки,

становилось стыдно. И начатая картина казалась подслеповатым ярмарочным лубком, и тогда Аркадий безжалостно смывал краски и заново грунтовал холст и работал, работал, работал.

А мэтр Арну шурил глаз, посмеивался в усы.

— Из вас выйдет толк, мой юный гладиатор, работайте. Идите на улицы и рисуйте жизнь. Пишите каштаны, лопающиеся на жаровнях, пишите лица, налитые красным винным соком. Идите. Идите. Наш город — лучший учитель.

И Аркадий уходил и вновь сливался с толпой вечного города, который открывал перед нами все свои тайны. Днем живопись. Но утром... Гастон не прощал опозданий.

— Работа есть работа. Все остальное потом.

И снова уход от удара левой, серии ударов, положение корпуса и ног.

Теперь Аркадий уже не был спарринг-партнером. Он дрался на равных. Жак выпускал его против чемпионов парижских округов. Каждый бой — победа. Каждый бой — доход. Жак делал правильную ставку. Ведь никто не захочет рисковать деньгами, «играя на русского»!

Обычно Жак обедал на Итальянском бульваре в ресторане «Риллард». Но в этот день он должен был встретиться с Ришаром и Анри.

Дело было настолько важным, что не хотелось рисковать. Ведь мало ли кто мог их увидеть, и тогда... Черт его знает. Ведь на Итальянском бульваре редакция «Фигаро»! Не дай бог, пронюхают репортеры, хлопот не оберешься.

Втроем они встретились в баре у ворот Майо, выпили по абсенту и уселись в новую машину Решара.

Жак завистливо погладил подушку из голубой кожи.

— Я бы на твоём месте купил бы авто поскромнее.

— Вот и покупай, Решар выплюнул сигару,— а меня вполне устраивает это.

— Выброшенные деньги.

— Тогда вылезай и садись в омнибус.

Да бросьте вы! — маленький черный Анри, похожий на жука, возмущенно всплеснул руками.— Как ни соберемся, все одно и то же!

— Просто Жак завидует.

Жак промолчал, он ненавидел Решара. Завидовал его элегантности, широте, неизменной удаче в делах.

«Здесь бьешься как рыба об лед, чтобы заработать лишнюю тысячу франков, а таким, как Решар, они сами лезут в карман. Ну где справедливость!»

— Просто ты трус.

Жак вздрогнул, Решар словно читал его мысли.

— Да, да, трус, ты боишься играть по-крупному. Боишься за каждый сантиметр. Но ничего, я тебе покажу, как нужно печатать тысячные бумажки,— Решар обернулся, подмигнул Жаку.

Наконец машина вырвалась из городской толчеи на берег Сены. После парижского шума тишина была ошеломляющей, даже ругаться не хотелось.

— Ну вот мы и приехали,— Решар свернул к маленькой харчевне, стоящей на самом берегу. За домом начинался сад, от сетей, вывешенных на веранде, остро пахло тиной.

Обедали молча. Петух в розовом «божелэ» удался па славу, белое лаурское вино было восхитительно.

— Ну что ж, поговорим о деле,— Анри выпил рюмку, языком растер по нёбу сладкий огонь.— Черт, а ликер у него отличный!

— Успеешь,— Решар отодвинул бутылку,— Слушай, Жак, у тебя есть какой-то прекрасный парень.

— Есть. Гастон говорит, что из него выйдет толк.

— Понятно, Гастону можно верить.

— А в чем дело?

— Пора кончать с Марселем.

— Но...

— Что «но»? Что? Я знаю, что ты хочешь сказать, Марсель чемпион Франции. Но ведь он стареет, а как известно, с годами портится характер, он стал несговорчив. Его пора убрать, а у Анри найдется новый чемпион.

— Но при чем здесь мой русский?

— Есть план, можно крупно заработать.

* * *

...Случай был неслыханный — мосье Жак впервые пришел на тренировку! Даже невозмутимый Гастон удивился до крайности.

— Привет, друзья. Гастон не смотрите на меня как на огнедышащего дракона. У меня бессонница.

— Ясно,— тренер снял «лапы».— В чем дело, шеф? Вы нам мешаете.

— Я как вижу, наш маленький русский в прекрасной форме.

— Как всегда.

— Отлично. Аркадий, вам выпала большая честь — вы будете драться с чемпионом Франции.

— Условия,— Аркадий вытер перчаткой пот со лба.

— Ляжете в одиннадцатом. Пятьсот, нет восемьсот франков.

Для Аркадия это была почти астрономическая сумма. На такие деньги он мог прожить почти полгода, посвятив себя только живописи. Нужно получить эти деньги. А там...

— Согласен.

— Ну вот и отлично!

Жак хлопнул Аркадия по мокрой спине.

— Итак, через три дня.

Вечером в дверь постучали. Пришел Гастон. Аркадий сварил кофе, крепкий и густой как деготь.

— Слушай, малыш, я пришел к тебе как к другу. Пришел, чтобы предупредить. Ты попал в нехорошую историю. Завтрашний матч — сплошное надувательство. Они хотят скандала. Хотят убрать с ринга чемпиона. Он стар, а им нужны новые звезды. Свежее имя больше стоит. Ты ляжешь, а завтра газеты Парижа будут трубить, что чемпион подкупил тебя. Имя твое опозорят. Ринг для тебя закроют на всю жизнь. Помни об этом, дружок.

— Спасибо, Гастон.

Аркадий крепко сжал руку старому тренеру. Он долго слушал, как затихали на лестнице его тяжелые шаги, потом хлопнула дверь.

«Значит, так. Ну что же. Я буду драться с чемпионом. Буду».

Зал ревел. Подняв руки над головой, сквозь толпу поклонников и репортеров пробирался многолетний кумир Франции. Он, нагнувшись, скользнул под канаты. Напряг мышцы, демонстрируя свою силу.

Зал ревел. Аркадия никто не заметил. Подумаешь, победил нескольких чемпионов парижских округов — чепуха!

Только несколько знатоков покачали головой — чемпиону придется нелегко! Русский крепкий парень!

Гонг. Боксеры сошлись на середине. Харлампиев потонул в граде ударов. Зал задохнулся ревом.

— Так его! Бей! Сломай ему челюсть! На пол его! На пол!

Но что такое? Чемпион отлетел к канатам. Вслед за ним шагнул русский. Удар. Чемпион согнулся, бессиль-

но опустив руки. Еще удар. Гордость Франции лежит на полу.

Зал молчит. Зал затих. Даже слышно, как дышит в своем углу победитель.

Счет рефери «Аут!» потонул в диких криках зрителей. Что же это такое? Чемпион Франции проиграл нокаутом какому-то неизвестному русскому?

На ринг полетели окурки сигар, огрызки яблок, пустые папиросные коробки.

Позор! Позор!

Аркадий не смотрел в зал. Стоял опершись руками о канаты. Он боялся поднять глаза. Боялся, что иначе он перепрыгнет за канаты и будет бить, бить, бить, бить по этим лицам, противным и страшным.

Жак влетел в раздевалку без стука.

— Значит, так. Поршивый русский забыл, кто дал ему работу, кто помог ему заниматься дурацкой мазней.— Он перевел дыхание. Немедленно вон отсюда, грязный славянский ублюдок, иначе...

Жак сунул руку в карман.

Всю ненависть, сдерживаемую за год, вложил Аркадий в этот удар.

Мосье Жак пробил головой фанерную стенку балагана.

Вот ты и опять безработный. Что делать, жизнь такая штука — все повторяется!

Аркадий сбил шляпу на затылок, засунул руки в карман и, присвистывая, зашагал в сторону Монмартра. Черт с ним! Не пропадем! Скорее в кафе, где ждут друзья-художники.

— Вечерний выпуск «Фигаро»!

— Вечерний выпуск «Фигаро»!

— Последняя сенсация — неизвестный победил чемпиона Франции.

— Чемпион на полу в первом раунде!

— Эй, парень, дай-ка газетку,— приятель Харлампиева — художник Летуар ловко бросил газетчику два су.

Через всю полосу газеты шел крупный заголовок.

«Нашу гордость победил этот неистовый русский...»

— Ну вот, Аркадий, ты стал знаменитым. Ставь коньяк.

— Четыре коньяка хозяин.

— Минуту, мосье Аркадий, минутку. Поздравляю вас. Друзья, выпьем за нового чемпиона Франции!

Утром в дверь его комнаты постучали. Вошел Гастон и незнакомый мужчина в дорогом пальто.

— Аркадий, это мой друг, известный менеджер Вагнер. Он хочет работать с тобой.

Как работать?

— Вы будете выступать, драться на профессиональном ринге. Гастон будет тренировать вас. А я...—Вагнер протянул договор.

Аркадий пробежал глазами бумагу. Ого, цифра солидная!

— Ну так как, по рукам?

— Согласен.

— Вот и прекрасно. Только надо сменить имя. Взять боксерский псевдоним.

— Какой же?

— Пойдите, мосье Аркадий, он должен быть коротким, он должен стрелять с афиш... Пойдите... Харлампиев — Харл-Шарль... Лампи-Лампье... Шарль Лампье... Как?

— Не знаю...

— Так тому и быть.

— Шарль Лампье победил чемпиона Европы Билля Пэпла!

— Новая победа Шарля Лампье!-надрываясь, кричали газетчики.

«Этот неистовый русский, как впервые назвала его «Фигаро», совершает поистине триумфальное шествие по рингам. Победа за победой. Такого давно не было...»

...Неизвестно, чем это кончится. Неизвестно. Многие начинали так же, а кончали... Не надо забывать, что коммерческий спорт имеет много тайн».

Так писали спортивные обозреватели.

А он был все таким же «этот неистовый русский». По-прежнему жил под крышей, по-прежнему любил Монэ, Синьяка и Гогена. По-прежнему мечтал о новой картине. Он тосковал по России. Он любил в ней каждую травинку, поникшую от росы, каждое дерево над озером, каждое облако, плывущее по бледному и высокому небу, густые дубравы и нежный шепот березовых рощ.

Но нужно было еще почти полгода жить во Франции. Нужно было защитить диплом в Школе изящных искусств.

— Аркадий,— Вагнер, отдуваясь, уселся на скрипучий стул,— ну какого черта вы живете под крышей? Легче подняться на Эйфелеву башню, чем к вам. Ну ладно. Молчу. Молчу. Я с плохой вестью. Леметр требует реванш.

— Ну и что?

— Да вот дело в том, что по договору он сам выбирает город.

— Пускай.

— Вы — ребенок! Он выбрал Марсель.

— Чудесно, я там еще не был.

— Вы не ребенок, вы идиот, простите меня. Леметр — марселец, он кумир всего жулья, всех сутенеров и апашей Марселя. Там хозяева — они. Если вы победите, я за последствия не ручаюсь.

— Я не лягу, я плюю на них.

— Другого ответа я не хотел услышать. Пусть будет Марсель.

Столица юга Франции была, как всегда, легкомысленна и пестра. Вечером, когда на приморских бульварах зажигались дуговые фонари, Марсель выходил на набережные. Проститутки, морские офицеры, почтенные буржуа, любители острых ощущений.

Хозяева кафе выносили столики прямо на бульвар. Посетители с трудом усаживались на колченогие хрупкие стульчики.

Где-то совсем рядом шумело море. Летний ветер нес в город крепкий, как рассол, запах. Он будоражил людей, заставлял делать глупости, кидаться сломя голову в самые немыслимые авантюры.

Аркадий приехал в Марсель вечером. Гастон недовольно сопел: ему не нравился ни город, ни эта встреча. Даже выдавший виды Вагнер был озабочен. Садясь в авто, Гастон оглянулся по сторонам. Точно. За их машиной следили. Сразу же вслед за ними отъехал наемный автомобиль с крытым верхом. Тренер насупился, взглянул на Вагнера. Менеджер покачал головой.

Только Аркадий был совершенно спокоен. Предстоящая встреча мало волновала его. Он прекрасно знал своего противника. Машина для нанесения ударов. Вот и все. Две-три комбинации и расчет на сокрушающую силу кулака. Нет, не это занимало его мысли. Через два месяца он получит диплом и тогда... Прощай, Франция! Он даже во сне видел днепровские острова, порос-

шие ивняком, облака над старым замком Сигизмунда, маленький родительский домик. Скорей бы туда! Нет, Франция не для русского человека!

Портье в отеле, усмехнувшись, подал им ключи. Все три номера были рядом. Обыкновенные комнаты в гостиницах средней руки. На столе Аркадий нашел записку: «Не ляжешь — умрешь». Угроза местных апашей. Как они ему все надоели!

В десять он лег спать. И вдруг дикий шум словно подбросил его на постели. Под окнами ревел духовой оркестр. Музыканты не щадили своих легких. Марш сенегальских стрелков хозяйничал в комнате.

Аркадий посмотрел на часы, — была половина второго ночи. В дверь кто-то яростно бил кулаком. Харлампиев накинул халат, повернул ключ.

Он никогда не видел старого тренера таким взбешенным. Гастон, сдержанный Гастон ругался, как пьяный матрос.

Через минуту в комнату влетел Вагнер.

— Они хотят сорвать отдых. Они хотят, чтобы ты вышел на ринг вялым. О, я знал это! На, — менеджер протянул Харлампиеву две резиновые пробки, — Вставь в уши и спи. Все. Гастон, пошли.

Аркадий запер дверь. Вставил резинки в уши. В комнате сразу стало тихо-тихо. Он лег и уснул.

За несколько кварталов до марсельского «Бокс-клуба» стояла огромная толпа. Серьезные ажаны в синих пелеринах застыли по обе стороны тротуара. Сам комиссар марсельской полиции — Люпон прибыл к месту столь неожиданного зрелища.

Марсель недаром прозвали «французским Чикаго». Годами за местной полицией числились десятки нераскрытых убийств. Комиссар точно знал, что если Шарль Лампье победит, бандиты не простят ему падения сво-

его кумира. Но он не хотел думать о худшем. Правда, у него был один план: семь лучших инспекторов в штатском должны были незаметно охранять Лампье. Шарль Лампье был приманкой. На него наверняка клюнет кто-то серьезный. А кто — поглядим!

Аркадий в раздевалке слышал, как гудит зал. Гастон сидел в кресле, делая вид, что читает спортивный еженедельник. Все было как обычно, как десятки раз перед матчем.

«Надо разозлиться. Обязательно надо. Иначе они подумают, что я трушу. А впрочем, пусть думают».

— Пора, — в дверь заглянул Вагнер.

Аркадий вышел в коридор. Краем глаза заметил, как от стены отделились трое, широкоплечие, в светлых костюмах. Пропустив его вперед, пошли следом.

«Ах сволочи! В открытую начали, ну ладно»...

Теперь он разозлился не на шутку. Горячая волна прилила к лицу, по коже побежали мурашки.

«Ладно, посмотрим».

Он шел, не поднимая головы, не замечая орущего зала.

«Дорога на ринг — дорога на эшафот», — так любит говорить старина Гастон. Но ничего, мы еще посмотрим, кто из нас осужденный! Противник опаздывал. Это была психическая атака. Он специально оставлял Аркадия один на один с залом. Пусть понервничает! Пусть знает, какая сила стоит за его спиной!

Рефери третий раз выкрикнул его имя. И зал обрушился громом аплодисментов. Вот он, кумир Марсея! Высокий, сильный, красивый. Настоящий француз. Гордость, сила, красота. Конечно, он положит грязного ублюдка! Сразу же, в первом раунде!

Они сошлись на середине, тронули перчатки и опять по своим углам.

Гонг!

Аркадий шагнул вперед. Всем существом своим он почувствовал холодок опасности, которым наполнен каждый сантиметр ринга.

«Спокойнее, спокойнее»...

Теперь для него больше не существовал зал. Только белый квадрат ринга и человеческая фигура с раздутыми кожаными кулаками. Мир словно перетянули канаты. Стали границей между прошлым и будущим.

Шаг вперед. Удар. Еще шаг. Еще удар.

Что же, противник пока копирует его манеру. Теперь поближе. У тебя длинные руки, ты не любишь сближаться!

Француз закрылся. Теперь трудно будет «распечатать» его защиту. Аркадий не нападал, берег силы. Он кружил вокруг противника, прощупывал его короткими, резкими ударами.

Второй раунд не принес ничего. Француз выжидал, берег силы. Ему нужно было, чтобы Харлампиев открылся, хоть на секунду.

— Осторожнее, малыш, спокойнее, — приговаривал Гастон, махая полотенцем, — он ловит тебя.

В третьем раунде Аркадий прыжком пересек ринг, прижал француза к канатам.

Раз! Раз! Раз!

Француз больше не мог выжидать, он перешел в контратаку.

Зал, до этого молчаливый, разразился свистом и улюлюканием.

Француз атаковал жестко и зло. Бил прямыми. Шел и шел на Аркадия.

Гонг! Кончился третий раунд.

Четвертый начал француз. Его тяжелые удары ло-

мали защиту Аркадия. Все чаще и чаще они попадали в цель.

И вдруг...

В ушах шумело море, приливало и отливало. «Постой, это же зал шумит»... Сознание постепенно возвращалось к Аркадию.

Резкий голос рефери бросал в зал.

«Шесть, семь!»

Аркадий вскочил. Еще ничего не понимая, автоматически увернулся от перчатки и сам ударил, собрав остатки сил, по мелькнувшему подбородку.

Гонг!

Всего одна минута отдыха. Как это мало! Но силы постепенно возвращались к нему. Он начал чувствовать руки, ноги перестали быть чужими и ватными.

«Все, хватит».

— Осторожнее, малыш, осторожнее.

Гонг! Пятый раунд.

— У-бей его! У-бей е-го! — скандировал зал, и француз окрыленный первой победой, смело пошел в атаку.

Аркадий не нападал. Он уходил, финтил. Заставлял противника тратить силы и энергию в красивых, но бесполезных атаках.

Так продолжалось еще два раунда.

Аркадий окончательно пришел в себя. Теперь его движения стали эластичными и упругими. Бурная атака вымотала француза. Он дышал тяжело, с хрипом.

Но его болельщики ждали победы, и он вновь начал атаку.

Аркадий встретил его в своем углу.

Удар! Шаг вперед. Еще шаг и опять с ударом. Левой в корпус, правой в лицо. Левой в корпус, правой в лицо. Пусть привыкнет к рисунку боя и тогда...

Опять левой в корпус. Француз закрыл подбородок.

Теперь пора. Всю силу тела внес в удар правой по печени.

Раз!

Сначала никто ничего не заметил. Француз внезапно нелепо взмахнул руками и, словно отгоняя пчел, рухнул на спину, гулко ударившись головой о пол. В гробовой тишине прозвучал счет: «восемь, девять!»

Судья считал нарочито медленно.

«Аут!»

Зал взревел. На ринг полетели яйца, апельсины, яблоки.

«Ажаны» выстроились четырехугольником, закрыв ринг со всех сторон.

— Надо спешить, — Гастон торопливо расшнуровывал перчатки, — скорее, дело плохо.

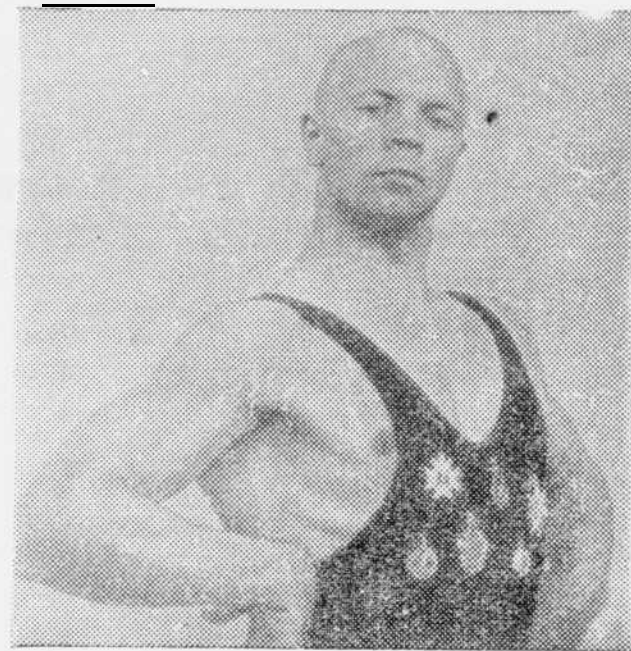
Внезапно где-то в ложе глухо щелкнул револьверный выстрел. Звук был почти не слышен, он потонул в реве толпы.

Пуля врезалась в пол у боксеров Аркадия.

— Скорее, — Гастон рванул Аркадия к входу в раздевалку.

Последнее, что видел Аркадий, прежде чем закрылась дверь в зал, черные полицейские дубинки, гуляющие по головам толпы.

Он решил уехать в тот же вечер. Вагнер молниеносно оформил все финансовые дела. Парижский экспресс

Чемпион Франции А. Харлампиев

уходил в два часа ночи. Гастон запер дверь на ключ и запретил Аркадию выходить из номера. Тем более что по коридору и вестибюлю гостиницы шлялись какие-то здоровенные парни с лицами, не сулившими ничего хорошего.

В час пришло авто, заказанное Вагнером. Аркадий, Гастон и менеджер спустились в вестибюль, рассчитались с портье. У самой двери Аркадий оглянулся. За ними шли трое. Только в купе Вагнер перекрестился и облегченно вздохнул.

Слава богу! Вроде все обошлось...

Гастон что-то буркнул себе под нос и начал стаскивать пиджак.

— Пойду к проводнику,—Аркадий встал,— куплю «Виши», страшно хочется пить.

Поезд набирал скорость. С уханьем проносились мимо одинокие дома, пар, словно пена, шипел на деревьях. Аркадий шел по непослушному полу вагона.

Он оглянулся случайно. Просто поезд тряхнуло на стрелке, и он оступился.

Рука с серебристым гребнем кастета задела его по плечу. Он ударил автоматически. Человек упал, и сразу же он увидел еще двоих. В протянутых словно для рукопожатий руках чернела пустота револьверных стволов.

Аркадий даже не понял, как это случилось. С грохотом распахнулась дверь купе. Еще трое с пистолетами стали за его спиной.

— «Конец»,— обожгла мысль.

Но почему-то те двое вдруг бросили оружие и медленно, неохотно начали поднимать руки. По коридору вагона шли еще четверо. Щелкнули наручники.

— Мосье Лампье, я старший инспектор уголовной полиции Бернар,— здоровяк в светлом костюме протя-

нул Аркадию полицейскую карточку.— Все в порядке. Комиссар Люпон приказал нам охранять вас. Как видите, улов неплохой.

— Спасибо, мосье Бернар. Я прошу зайти к нам в купе,— выскочил из-за спины вездесущий Вагнер.

В купе он вынул бумажник и отсчитал инспектору несколько купюр.

— Это вам, господа. Нет, не отказывайтесь. Выпейте за наше здоровье.

— Мне, право, неловко,— детина сунул смятые кредитки в карман брюк,— но если вам что-нибудь понадобится в Марселе, можете положиться на меня. Доброй ночи, господа.

А экспресс мчался сквозь ночь, мчался через спящую Францию, он спешил, ему нужно было встретить утро в Париже.

Два разговора в Париже.

Первый — на набережной у моста Мари.

— Значит, ты уезжаешь?

— Да, Гастон, я не могу остаться.

— Ты бы мог стать большим боксером. Подумай, слава — деньги.

— Гастон, а ты был в России?

— Нет, мальчик.

— Тогда бы ты не спрашивал меня.

— Жаль. Я полюбил тебя, малыш.

— И я тебя, Гастон.

Второй — в вестибюле Школы изящных искусств.

— Вы не остаетесь даже на традиционный бал?

— Нет, мэтр.

— Но что даст вам один день?

— Я на один день раньше увижу Россию.

— Езжайте и пишите мне, я очень верю в вас.

— Спасибо, мэтр Арну.

Перрон Северного вокзала медленно уплывал назад. Аркадий видел только фигуру Гастона. Тренер стоял на самом краю платформы, глубоко засунув руки в карманы пиджака.

Прощай, дружище Гастон!

Он не жалел о том, что порвал с профессиональным боксом. Много позже в книге «Бокс», вышедшей в Москве в 1925 году, Аркадий Георгиевич писал:

«За границей бокс прежде всего доходное предприятие. Предприниматели, желая увеличить доходы, рисуют перед зрителями профессиональных боксеров джентльменами, артистами, зарабатывающими колоссальные деньги.

Вся эта реклама скрывает самую ужасную эксплуатацию спортсменов.

Если взглянуть на ту огромную армию, которая наживается за счет профессионального бокса, то станет ясно, кто и что зарабатывает и кто хозяин, кто раб.

...После того как боксер стал неинтересен, когда из него выжаты все соки, когда он уже не нужен, хозяин производит с ним окончательный расчет. Знаменитый боксер выбрасывается на улицу...» Так писал Харлампиев о профессиональном боксе. Но это много позже. А пока...

Поезд набирал скорость. Франция... Германия... Польша... И однажды утром Аркадий взглянул в окно, увидел дома под соломой, березы, созревающие хлеба на полях и понял: дома! Вот она, Россия.

ПОД НАДЗОР ПОЛИЦИИ...

Газета «Смоленские губернские ведомости» от 10 апреля 1913 года:

«Вчера в цирке г. Аржанова впервые в истории на-

шего города состоялся матч боксеров (кулачных бойцов английской школы). Негр Смите, приехавший к нам из Северо-Американских Соединенных Штатов, встретился с нашим земляком г. Харлампиевым.

Столь необычное для нашего города зрелище привлекло огромное количество зрителей. За два дня до начала представления билеты в цирк были распроданы.

Наконец наступил долгожданный день. Под звуки кавалергардского марша на арене появился владелец цирка г. Аржанов. Он объяснил публике условия и правила поединка.

Громом аплодисментов встретила публика появление на сцене нашего земляка живописца г. Харлампиева.

Много оваций досталось и на долю его противника — негра Смитса. Последний привлек внимание публики своей экзотической внешностью.

Бойцы сошлись в поединке. Они обрушили друг на друга град яростных ударов. Но ни первые три минуты, ни вторые не дали победителя.

Наконец на девятой минуте боя г. Харлампиев нанес удар в лицо Смитса. Последний упал и потерял сознание. Почетный приз достался нашему земляку».

Аркадий отложил газету в сторону. Черт знает что! Ну как так можно было писать о боксе! А впрочем, репортер несколько не виноват. Ведь действительно о боксе в России никто не знает!

Конечно, бой с негром для него был очень интересен. Впервые Аркадию приходилось встречаться с представителем так называемой американской школы бокса. Но надо сказать, бой со Смитсом оказался легким. Технику негр все время пытался подменить темпераментом. Два раунда Аркадий спокойно сдерживал бурный натиск противника, наконец, в третьем, когда негр почти выдохся, провел удар в челюсть и кончил бой нокаутом.

В раздевалке к нему подошел Смите. Он все еще был в состоянии гроги, глаза у него были словно у пьяного.

— Мосье,— спросил он на плохом французском,— учился боксу в России?

— Нет, мосье, в Париже. Я выступал там под именем Шарля Лампье.

—О-о-о,— негр присвистнул.— Я о вас слышал. Если бы знал, что это вы Шарль Лампье, то заранее бы отказался от боя.

Аркадий вспомнил этот разговор и усмехнулся. Бокс. К сожалению, в России этот вид спорта так и не привился. Правда, в Петербурге какой-то мосье Лусталло давал уроки богатым бездельникам, но ведь это капля в море!

В местном гимнастическом обществе Аркадий пытался организовать кружок боксеров, но дальше одних разговоров дело не шло. А пока он рисовал. С утра уходил на Днепр и там делал этюды. Искал типажи, натуру.

Вечерний чай Харлампиевы пили на балконе. Сегодня здесь собралась вся семья. На столе уютно гудел самовар. С Днепра тянуло дымком рыбацких костров. Внезапно Георгий Яковлевич поставил стакан на стол.

— Аркаша, а ведь не иначе как к тебе?

Аркадий обернулся. По пыльным улицам Рачевки ехало щеголеватое ландо. И точно, кучер осадил у дома Харлампиевых. Из экипажа вышел хозяин цирка Аржанов.

Аркадий спустился встретить гостя. После обычного обмена любезностями Аржанов сразу же перешел к делу.

— Любезный, Аркадий Георгиевич, я только что из Петербурга. Привез вам противника — боксера Каще-

ева. Голубчик, я уверен, что вы согласитесь. Да что делать-то, уже по городу афиши клеят!

— Позвольте, я никогда не видел Кащеева. Вес-то у него каков?

— Ну чего, чего, а этого добра хватит. Специально, веря в ваши таланты, выбрал самого здорового.

— Но ведь это против правил! Я вешу 77 килограммов.

— Голубчик, спасайте, уже половина мест куплена.

— Нет, подождите, как же так?

— Ради дружбы, Аркадий Георгиевич.

Аркадий задумался. Драться с тяжеловесом. Трудновато. Но ведь у Кащеева наверняка отвратительная техника. А может быть, именно этот, на первый взгляд неравный, бой поможет ему создать в Смоленске боксерский кружок?

— Ну так как? — нетерпеливо спросил Аржанов.

— Согласен.

— Вот и слава богу,— директор цирка вытер платком мокрый лоб.

Когда Кащеев вышел на ринг, Аркадию стало не по себе. Огромного роста, толстый, мышцы булыгами, Кащеев производил устрашающее впечатление.

«Видно, из бывших борцов,— подумал Аркадий,— значит, неподвижен. Но удар-то есть, это наверняка. Надо быть осторожнее».

Кащеев не воспринимал серьезно своего противника. Подумаешь, малец совсем! Он начал атаку первым.. Кулаки его свистели в воздухе, словно пушечные ядра.

Аркадий не принимал боя. Легко, словно танцуя, он уходил от удара и проводил серии по корпусу.

Кащеев начал злиться. Во втором раунде он решил во что бы то ни стало достать своего противника. Он почти забыл о защите и бил не по правилам, вразмашку.

Открыт-то открыт, но как достать до его подбородка? Выход был один: навязать противнику низкую стойку.

Аркадий согнулся. Кашеев тоже начал работать в низкой стойке. И тогда, уйдя под руку, Аркадий буквально ввинтился в его защиту. На секунду мелькнул открытый подбородок гиганта, Аркадий выпрямился и ударил.

Кашеев сделал шаг назад, потом опустился на колени и рухнул пластом на опилки.

Цирк содрогнулся от крика. На манеж полетели букеты цветов. Гимназисты толпою бросились на манеж.

— Господа! Господа!

Кричал Аржанов. Но его слова потонули в крике толпы. Гимназисты окружили Аркадия, подняли на руки и понесли в раздевалку. Оркестр с опозданием грянул марш.

На следующий день к Аркадию приехали члены Смоленского гимнастического общества, они просили организовать кружок бокса.

А время над империей Российской постепенно убыстряло свой бег. Куда только делось спокойное, мирное, обывательское время, ленивая истома различных присутствий, спокойствие городов! Теперь новые часы отсчитывали время звоном винтовочных прикладов. Неспойно было в России, тревожно. Запахло в воздухе кислой пороховой вонью. Нет, не тот стал русский мастеровой. Раньше, бывало, за версту шапку ломит. А нынче? Идет на хозяина, кольнет взглядом, усмехнется загадочно. А что эта ухмылка означает? Неизвестно. Только неуютно становится хозяину на собственной фабрике.

Утром Аркадий ушел на Днепр. У него было там любимое место — на плотках. Между бревнами хлопала вода, а плоты покачивались на волне, как корабли.

Аркадий раскрывал этюдник, ставил раскладной стульчик. Тишина. Народу никого, только мальчишки подплывут иногда с пронзительно любопытными глазами, да и обратно.

И в этот день, как и обычно, Аркадий сидел и рисовал. Он настолько увлекся работой, что не услышал шагов за спиной.

— Кхм,— кашлянул кто-то над его головой.

Аркадий поднялся. Перед ним стояли трое. Черные картузы с лакированными козырьками, люстриновые пиджаки, вместо галстуков шнурки с шариками на концах.

— Господин Харлампиев!

— Да, это я.

— Прощения просим, что побеспокоили вас. Есть у нас к вам надобность неотложная. Только вот как начать...

— А вы с самого начала попробуйте.

— Да дело больно деликатное,— усмехнулся в усы один,— но была не была. Слышали мы много о вас хорошего, Аркадий Георгиевич, да и семейство ваше все большим уважением пользуется...

— Да вы не тяните, к делу переходите сразу.

— Черносотенцы в городе балуют. Громят, значит,— шагнул к Аркадию второй, помоложе, с горячими злыми глазами,— вчера нашего деповского избили до полусмерти...

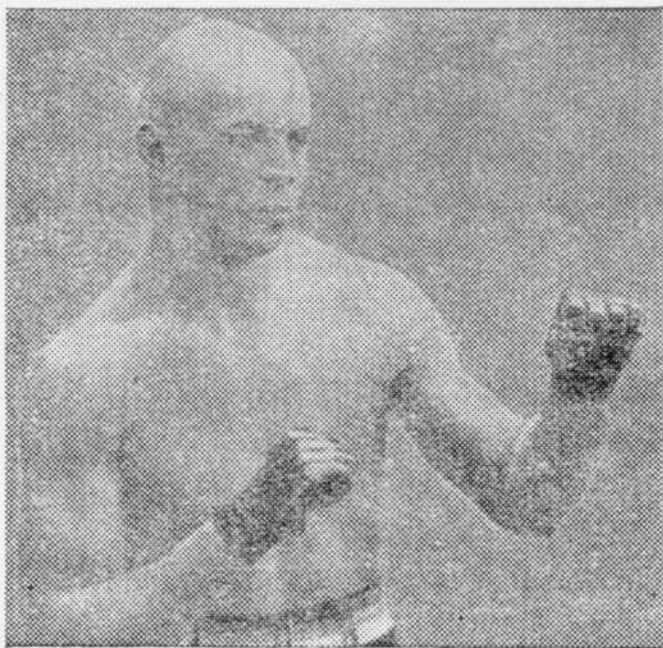
— Да ты погоди,— пожилой рабочий достал из кармана дешевый портсигар,— погоди. Мы, господин Харлампиев, из рабочей дружины. Пришли просить — поучите наших молодых драке на английский манер.

— Вы хотите, чтобы я преподавал вам бокс?

— Именно, я так и хотел сказать.

— Ну что же, я с великой охотой.

— Благодарствуем. Деньги, значит, на уроки...
— Вы меня обижаете. При чем тут деньги?
— Так, значит, — усмехнулся, — тогда руку, товарищ
Они крепко пожали друг другу руки.

Фотография из журнала
«К спорту» (1915 г.)

— Только вот, Аркадий Егорович, не надо, чтобы об этом в городе знали. Есть здесь одно место укромное на острове, давайте там.

— Согласен.

Два дня Аркадий готовился к занятиям. Хорошо, что, уезжая из Франции, он захватил с собой несколько пар перчаток. Но разве только они нужны? Он набил опилками мешок. Жалко «груши» нет, но что делать! Еще в Париже он на-

чал вести записи боев и тренировок. В поисках своей манеры, своего рисунка боя он старался расширять границы наставлений Гастона, старался найти новое в каждом ударе, в каждом движении. Теперь эта тетрадь должна была помочь ему.

Вечером, когда солнце ярким мячиком прыгнуло к горизонту, по Днепру плыли две лодки. Ничего особенного, лодки как лодки, да и народ в них самый обыкновенный — рыбаки. При них вся снасть, удочки, сети. Все как нужно. Дело известное, видно, поехали с вечера

сети ставить. Лодки споро шли за Шияновский мост, потом свернули к острову.

Островок был маленький, поросший ольхой. Как раз посередине полянка. Здесь и расположились рыбаки. Они повесили на дерево тяжелый мешок, начали раздеваться. Голые по пояс, они смущаясь, выстроились в одну шеренгу.

Аркадий внимательно оглядел будущих учеников.

Ничего не скажешь, парни крепкие!

— Ну что ж, друзья, — он усмехнулся, — начнем первый урок. Для начала я объясню вам самые азы бокса. Вот один из ваших товарищей просил научить вас заграничной кулачной драке, но все дело в том, что бокс это не драка. Бокс — высокое спортивное искусство. Обратите внимание на то, что дерущийся человек очень похож на медведя, ставшего на задние лапы. Медведя, который отмахивается от пчел. У боксера каждое движение рассчитано. Удар боксера точен. Достигнув цели, он поражает противника. Но чтобы ударить именно так, надо учиться.

Аркадий поглядел на учеников. Слушали внимательно.

— Ну кто из вас лучший драчун?

Рабочие смущенно засмеялись.

— Смелее, смелее.

— Да вот Алексей, он в стенках всегда первый.

— Выходи сюда, Алеша.

Из шеренги вышел широкоплечий здоровяк с копной рыжих волос.

— На, — Аркадий протянул ему перчатки, — надевай.

Парень неумело взял в руки перчатки. Аркадий помог ему надеть их, зашнуровал.

— Вообще, друзья, перчатка одета не по правилам. Прежде чем надеть ее, нужно как следует перебинто-

вать сгруппированный кулак. Но сегодня мы сделаем отступление от правил.

Парень с интересом рассматривал свои руки в перчатках.

— Что, Леша,— крикнул кто-то, —хороши варежки?

— Да уж куда...

— Друзья, сейчас я наглядно покажу вам, что такое удар, в чем сила боксера. Алексей, мы начинаем бой. Ты бей меня, как в драке, со всей силы.

— Зашибу я вас, Аркадий Георгиевич, неловко как-то.

— А ты не бойся, бей.

Аркадий легонько толкнул перчаткой в лицо парня. Алексей сделал шаг назад, развернулся и с плеча наметил удар по уху. Аркадий ушел нырком, легонько ударил по корпусу.

Парень вошел в азарт. Он молотил кулаками воздух. Аркадий уходил. Наконец Алексей не на шутку рассердился, беспорядочно размахивая кулаками, пошел на Аркадия. Удар. Аркадий ушел и теперь сильнее ударил противника по челюсти.

Лешка сел. Он так и не понял, что с ним случилось. Потом поднялся, замотал головой.

— Вот те фунт. Вот это бокс. Да мне бы только научиться! Я тогда...

— Вот для этого мы и собрались здесь,— засмеялся Аркадий.— Ну, друзья, начнем первый урок.

Наверное, ни у одного тренера не было столь старательных учеников. Ребята занимались самоотверженно. Они знали, для чего нужно им искусство боя. Они готовили себя не для ринга.

Аркадий удивлялся. Шутка ли, почти двенадцать часов отработать в депо или на мукомольне, а вечером до седьмого пота заниматься боксом!

Ему очень нравились его ученики. Вот Алексей Чернов. Здоровяк, с прекрасным ударом, с ним поработать как следует и вполне можно выдвинуть на настоящий ринг. А Ваня Сомов, а Степа Бородин...

«Если все будет хорошо,— решил Аркадий,—организую в Смоленске первый рабочий клуб бокса».

А между тем по городу пошли слухи о рабочей дружине. Несколько раз черносотенцы, вооруженные ломami и кастетами, постыдно покидали поле боя.

Однажды Аркадий на острове, как всегда, проводил тренировочные занятия. Надо сказать, что занятия проводились по всем правилам конспирации. Они закидывали сети, несколько человек сидело на берегу с удочками, над костром висел закопченный котел с ухой. Комар носа не подточит, рыбалка как рыбалка.

Сегодня Аркадий впервые решил провести вольные бои. Ребята только надели перчатки, как с берега донеслась песня.

— Люблю я летом с удочкой...

Тревога!

Перчатки моментально полетели в кусты. Ребята бросились к костру. Зазвенели бутылки. Алексей растянул меха гармошки. Аркадий сел за этюдник. Затрещали кусты, и на поляну вышли двое. Твердые поля котелков, костюмы как с чужого плеча.

— Здравствуйте, господа, рыбалите?

— Есть немного,— Алексей отложил гармошку в сторону,— а вы что ж без снасти?

— Да мы своих ищем.

— А здесь ваших-то нет,— вмешался в разговор Ваня Чернов,— здесь только наши.

— Понятно... Почет господину живописцу.

— Здравствуйте,— Аркадий встал, вытер тряпкой руки.

— Рисуете?

— Как видите.

— Ну рисуйте, рисуйте, не будем мешать.

И вновь затрещали кусты под тяжестью шагов.

— Ребята, надо менять остров, — сказал Аркадий, — эти двое из полиции.

Пять лет прошло с тех пор, как семеновцы сожгли баррикады на Пресне. Плывет над Россией зловещая тень Столыпина. Цензура беспощадно душит левые газеты, тюрьмы забиты революционерами. А в Москве подполковник Сперидович создал новую «прогрессивную» организацию «Союз Русского народа». У них программа простая — весь вред на святой Руси от жидов, иноверцев и социалистов. А значит, бей, спасай матушку Русь.

А в городе демонстрации. Лавочники и дворники носят царевы портреты и иконы, пьяно орут: «Боже, царя храни». Полиция не вмешивалась. Партия официальная. Пусть демонстрируют.

— У нас ведь свобода, — усмехался в усы полицмейстер.

Внизу со звоном вылетело стекло. Тяжелые удары гулко разнеслись по дому. Закричала на улице женщина.

— Аркаша! Там эти, с иконами, лавочника-еврея бьют.

Лицо матери бледное, с прыгающими губами, в глазах ужас. Он шагнул к окну. Внизу люди, много, человек двадцать. Картузы, сапоги, бутылки, чубы на потных лбах. А на мостовой лежит, закрыв голову руками, сосед Лазарь Львович, хозяин маленького магазина книг.

Звенят стекла. Слышно, как бьют сапоги. Гах, гах, гах.

Он как стоял, так и прыгнул вниз, в центр. Не ли-

ца — маски. Глаза мутные, звериные оскалы, дух пьяный.

— Назад, сволочи!

— Ах ты, жидовский заступник!

Поднялась рука с ломиком. Он повернулся резко и левой, всем корпусом. Под кулаком что-то хрустнуло. Гулко стукнула голова о мостовую. Теперь к стене. Спину прикрыть. Сбоку кастет мелькнул на солнце, словно головка змеи. Шаг вправо. Удар. Еще, еще. Толпа отскочила. Шестеро пластом лежали на земле.

— Что взяли, сволочи!

А в голове одна мысль: «Вперед, ты сильнее их!». Он прыгнул и ударил. Раз, другой, третий. Повернулись, побежали, топая сапогами, давясь матерщиной. Все. Только пальцы ломит очень...

Стук в дверь и звон шпор. На пороге городской.

— Господин Харлампиев, прошу со мной. Их высокоблагородие пристав Зыкин ждут.

А за столом усатый пристав, рядом изящный поручик в голубом мундире с серебром — жандарм.

— Не хорошо, не хорошо безобразничать, милостивый государь. Кто вам позволил разгонять демонстрацию? Вы посягаете на законы державы Российской. Просим покинуть город, иначе — суд за нанесение телесных увечий.

Вот тебе и поработал дома!

Опять дорога. Ну что ж, на сборы много времени не нужно. Этюдник, краски да маленький чемодан с пожитками.

ЧЕМПИОН РОССИИ

До Сокольнического парка Аркадий доехал на паровом трамвае. Маленький паровозик, смешно свистя, пробирался сквозь осень. Вагон беспощадно трясло на

стрелках. Аркадий стоял на открытой задней площадке и слушал, как недовольно бубнит кондуктор. Вот уже полтора года Харлампиев живет в Москве. Шла первая мировая война. На фронт его не взяли: полицейское свидетельство о неблагонадежности. Аркадий много рисовал.

Несмотря на войну, спортивная жизнь Москвы ожилилась. Два года назад в Сокольниках у ОЛЛС (Общество любителей лыжного спорта) организовался первый в Москве кружок бокса. Аркадий сразу же начал там вести занятия. За два года он организовал несколько показательных матчей, на ринге выступили Кара-Малай, Никифоров, Габриэль, Молоканов, Коновалов, Котельвец, Бессонов.

Кроме ОЛЛС боксом занимались и в тяжелоатлетическом обществе «Санитас». Их тренер и теоретик петербуржец Борис Граве два месяца провел в Лондоне, где тренировался у бывшего чемпиона Англии Ламберга.

В прошлом году в Киеве общество «Санитас» провело первые свои соревнования, в них участвовало 14 человек. Но, к сожалению, как еще мало походили эти соревнования на настоящий бокс.

Аркадий вместе с коллегами из «Санитаса» разработал правила бокса. То есть просто они воспользовались английскими классическими правилами, определив формулу боя: четыре раунда по три минуты.

Московские газеты немедленно ополчились на инициаторов нового вида спорта.

Журнал «Русский спорт» номер семь, 1914 год.

«...В парке Сокольники некто Харлампиев, бывший цирковой акробат, продемонстрировал нашей публике английский бокс. Полноте, господа! Может быть, там, на берегах туманного Альбиона, интересно британцам по скулам бить друг друга, но у нас! Вполне достаточ-

Диплом чемпиона России

но, что пьяные мастеровые по праздникам дерутся. Английский бокс — плохой фарс. И совсем ни к чему заниматься им русским атлетам...».

«Русское слово» мая 1915 года.

«Английский бокс есть не что иное, как спортивное мордобойство, и не рефери там нужен, а околоточный...».

«Русское утро» мая 1915 года.

«Не удивительно, что бокс пришел к нам с берегов Британии, ведь слово «хулиган» имеет тоже английские корни. Разрешить занятия боксом — значит способствовать хулиганству...».

Да, московские газеты сразу же не влюбились бокс.

Единственный печатный орган поддерживал пионеров бокса — журнал «К спорту». По инициативе его редактора и было организовано первое московское первенство России по боксу. Вот на него-то и торопился Аркадий в этот по-весеннему яркий день.

На одной из полянок Сокольнического парка поставили ринг. Собственно, его трудно было назвать рингом. Прямо на траве было постелено два слоя брезента. По углам вбиты тонкие колья, на них натянут канат. Вокруг несколько скамеек для публики. Рядом палатка, где переодевались боксеры.

Около ринга сутился устроитель соревнования — редактор и владелец журнала «К спорту» Чесноков.

— Аркадий Георгиевич, а мы вас заждались. Ну как, голубчик, в форме?

— Конечно,— Аркадий улыбнулся,— как всегда.— Скоро начало?

— С минуты на минуту. Пожалуйста переодеваться.

В палатке собрались все двенадцать участников соревнования. Тяжеловес Кара-Малай. Огромный, плечистый, с шеей циркового борца. Плотнo бинтовал широким поясом живот,

— А вы это напрасно делаете,— Аркадий начал снимать пиджак.

— Почему?

— Дыхание затруднит.

— А ведь верно.

— Аркадий Георгиевич,— к Харлампиеву подошел полутяжеловес Николаев,— вот мы здесь спорили. Как вы считаете, в инфайтинге какой удар более подходящий — апперкот или свинг?

— А вы как думаете?

— Честно?

— Честно.

— Не знаю.

— Конечно, свинг. Ведь апперкот — это удар для аутфайтинга. А свинг по-английски — размах. Следовательно, для этого удара нужна дистанция.

— Пора, господа,— сказал устроитель.

Аркадий, щурясь от солнца, вышел из палатки. Публики прибавилось. Появилось даже несколько дам в огромных шляпах. В углу сидели репортеры из московских газет. Они со скучающим видом дымили папиросками.

— Первая пара. Господин Харлампиев — господин Ковалев!

Аркадий дрался аккуратно. Ковалев нервничал, допускал ошибку за ошибкой. Сказывалось отсутствие школы.

Аркадий прощал ошибки противника. Он впервые дал согласие на участие в подобных соревнованиях: ведь он был профессионалом, и ему нельзя было драться с любителями. Но что поделаешь, боксеров в Москве было слишком мало!

Аркадия утомил этот бой. Утомил не физически, а чисто профессионально. Трудно было удерживаться,

видя открытую голову противника, его незащищенный корпус.

Наконец во втором раунде Аркадий перешел в атаку. Вот Ковалев открылся. Удар. Правда, не очень сильный. Противник на полу. Нокдаун. Бой остановлен. Победа за явным преимуществом присуждена Харлампиеву.

В тот день он провел еще три боя. Дрались по олимпийской системе. Все встречи Аркадий выиграл легко и красиво.

В тот же день редактор журнала «К спорту» вручил Аркадию Харлампиеву кубок и диплом первого чемпиона России по боксу.

И никто из участников не предполагал, что это были последние соревнования по боксу, которые проходили в царской России.

Уже больше года грохотала война. Миллионы людей, одетые в шинели разного цвета, с разными погонами уничтожали себе подобных из пулеметов и винтовок различных систем, обжигали газами, рвали сотнями килограммов взрывчатки.

Ежедневно чудовище, имя которому — война, уносило десятки тысяч человеческих жизней. Фронту нужны были люди. Здесь уже не до политической неблагонадежности. В офицерском составе огромная убыль. Часть кадровиков погибла на фронте, а часть окопалась в тылу, во всевозможных ведомствах и комитетах.

Ротами и батальонами командовали вчерашние учителя, адвокаты, недоучившиеся студенты. Фронту нужны были младшие офицеры.

И однажды Харлампиева вызвали к воинскому начальнику...

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

Газета «Русское слово», раздел «Вести с фронта»:

«Пали смертью храбрых: штабс-капитан Литовского полка Иван Сергеевич Ермаков, зауряд-прапорщик 16-го саперного батальона Сосин Иван Аристаркович, поручик 12-й тяжелой артиллерийской бригады Суп Кондратий Тихонович...

Пропали без вести: сотник 12-го Донского полка Лапин Тимофей Ильич, корнет Изюмского гусарского полка Гурский Борис Леонидович, прапорщик 186-го Ундомского пехотного полка Харлампиев Аркадий Георгиевич...»

* * *

«...Сейчас часовой дойдет до угла барака. Всего двадцать шагов. Это почти полминуты. Там он возьмет винтовку на ремень, повернется спиной к ветру и начнет раскуривать трубку. Не торопись. Подумай. Ведь все надо делать наверняка. Бежать можно только один раз. Иначе — пуля в спину или в лучшем случае — тюрьма».

Часовой сделал первый шаг, Аркадий весь напрягся для прыжка...

* * *

...Господа юнкера, построиться на плацу!

Наконец долгожданная команда дежурного офицера. После нее в далекое прошлое уйдут шесть месяцев казармы, муштры, надоевшие занятия. Вот оно, долгожданное производство! Школа прапорщиков застыла на плацу. На правом фланге оркестр.

— Школа, смир-но! Под знамя! Слушай! На кара-ул!

Командует командир первого батальона подполковник Носов.

Грянул оркестр. Из подъезда училища знаменный взвод выносит знамя. Вот оно проплыло перед рядами застывших юнкеров и закачалось на правом фланге.

— Воль-но!

Теперь можно расслабиться. Юнкера ждут. Через несколько минут они станут офицерами. В строю первой роты ожидает производства юнкер Харлампиев.

— Смир-но! Для встречи справа! Слушай! На кара-ул!

По плацу, к строю идет генерал Крылов, начальник училища.. Навстречу с шашкой «под-ввысь», остервенело выкидывая ноги, марширует Носов.

— Ваше превосходительство, Тамбовское пехотное военное училище построено. В строю юнкеров 460!

— Здравствуйте, господа!

— Здравия желаем, Ваше превосходительство!

Рявкнуло полтысячи юнкерских глоток.

— Поздравляю вас с офицерским званием!

— Ура-а-а! — восторженно, ликуя покатилось вдоль строя. В этом «ура» было все: и бесконечные казарменные ночи, и радость предстоящего недельного отпуска, и долгожданные новые кителя с золотом однозвездочных погон. А главное — очаровательные перспективы офицерской службы. Сейчас никто не думал о фронте. При чем здесь война? Ведь сегодня праздник — производство. Ах, как хорошо бы пройтись по Тверской! Осеннее солнце золотит погоны, шпоры звоном отсчитывают шаги, ножны шашки постукивают по голенищу. А женщины, женщины! Как они смотрят на офицеров! Призывно, жгуче. При чем здесь фронт, вши, окопы?

Праздник, новая жизнь!

С шутками, смехом бежали юнкера в гимнастический

зал. Там ждало их аккуратно сложенное обмундирование, заранее сшитое тамбовскими портными. Аркадий скинул тяжелые юнкерские сапоги, полотняную гимнастерку. Надел бриджи, натянул хромовые сапоги со шпорами, застегнул китель, поправил наплечные ремни.

Сделал первый шаг и усмехнулся: шпоры мелодично аккомпанировали каждому его движению. Он вышел; в наполненный звоном и смехом коридор, подошел к зеркалу, подмигнул своему стеклянному двойнику.

В тот же день он получил назначение в полк, подъемные деньги и недельный отпуск к родным в Смоленск..

Семь дней. Разве это срок, особенно если расстаешься на столь неопределенное время?! А впрочем, как знать, на сколько расстаешься! Война. Вон, пожалуйста, в газетах целая страница — списки погибших офицеров. Среди них много знакомых, друзей по гимназии, по институту, по спорту. Война — штука безжалостная.

Последний день Аркадий провел с матерью, гулял с ней по городу, заходил к ее знакомым. Пили чай, вздыхали, крестили милого Аркашу, который вот вчера еще был гимназистом, а ныне прапорщик — офицер.

В купе их было четверо. Пожилой интендантский прапорщик в мешковатом кителе, щеголеватый молодой человек из земского летучего отряда, тонкий в талии, весь затянутый скрипучими ремнями, драгунский подполковник и Аркадий.

Говорили о войне. Особенно разговорчив был земец. Он никак не мог налюбоваться собой в ослепительно красивой, но никому не понятной форме. Интендантский прапорщик молчал, только вздыхал в уголке. Подполковник покусывал ус или насвистывал шансонетку.

— Вы поймите, господа,— размахивал руками земец,— поймите, эта война стала народной, такой же, как в двенадцатом году, гром пушек разбудил великую

силу, заложенную в глубинах души российского мужика. Он идет умирать с улыбкой, он счастлив пролить кровь за дело цивилизаций. Мы — второй Рим, мы должны остановить новых гуннов. Совсем недавно в Государственной думе выступал профессор Милюков...

— Вы меня простите, молодой человек, — подполковник поднялся, скрипнув ремнями, — не знаю, как по званию вас величать. Но говорите вы чушь. Да-с, именно чушь. Я кадровый военный. С первого дня на фронте. Пять раз ранен, как видите, за чужие спины не прятался...

Аркадий взглянул на подполковника. На его френче скромно висел офицерский Георгий, в углу купе отсвечивал эфес золотого оружия.

— Имею золотое оружие, и пять орденов, и два вне-срочных производства. Так что, простите, я войну-то лучше знаю, чем профессор Милюков. Солдату она не нужна. Пополнение приходит: одна винтовка на двоих, к орудиям снаряды не подходят, шинели и папахи гнилые, о сапогах не говорю. А пища... Да что и говорить, кто-то на войне крепко жиреет, набивает карманы! Вы бы послушали, что солдаты говорят.

— Но, позвольте, господин подполковник...

Не позволю. Никому не позволено гнать на убой людей. Но ничего, скоро, очень скоро все решится. Кое-кто жестоко заплатит за пролитую кровь.

— Я вас не понимаю, вы кадровый военный, а говорите, как социал-демократ...

— Я, любезнейший, в политике слаб. Но я патриот России, и если так говорят господа социал-демократы, то они правы, тысячу раз правы.

— Любопытно, — земец достал из нагрудного кармана щеголеватый портсигар, — любопытно...

Аркадий молчал, не вмешивался в спор, но его

поражало, что кадровый подполковник говорит так же, как и Ильин, как многие его московские друзья.

В Москве, перед отъездом в школу прапорщиков, Ильин крепко пожал руку Аркадию.

— Это хорошо, что вы едете учиться. Скоро нам понадобятся люди с военным образованием. Скоро, но когда?

* * *

— Господин полковник, прапорщик Харлампиев явился для прохождения дальнейшей службы.

— Очень рад, очень рад, — полковник встал из-за стола, протянул Аркадию пухлую волосатую руку.

— Вы очень своевременно прибыли, офицеров не хватает. Будете служить в первом батальоне, в третьей роте. Грищенко!

В дверях появился молодцеватый вестовой.

— Проводить его благородие в третью роту.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

* * *

Когда-то в старой «Ниве» Аркадий любил рассматривать батальные картинки. Особенно нравилась ему литография «Взятие бастиона». Над вершинами курился пороховой дым, в небе лопалась шрапнель, сомкнув ряды, на штурм шли англичане.

Эта война мало походила на лакированные литографии. Прежде всего поражал чудовищный смрад войны. Он включал в себя все — кислый запах отстрелянного пороха и вонь от неубранных разложившихся трупов.

Не было ни лихих атак, ни барабанов, ни развернутых знамен. Был смрад, тяжелые немецкие снаряды, жидкая грязь окопов и дождь, шедший неделями.

Пока на участке третьей роты было спокойно. Авст-

рийцы воевали словно нехотя. Аркадий быстро сошелся с офицерами, все они были не кадровыми. Ротный — бывший студент, командир первой полуроты — подпоручик Сомов, бежавший на фронт гимназист, офицерские погоны заработал вольноопределяющимся.

Аркадий рисовал. Он делал карандашные наброски офицеров, солдат, пленных. Ведь кончится когда-нибудь война. И тогда он расскажет о ней всю правду.

А за эти месяцы он хорошо узнал эту правду. Прав был Ильин, прав был попутчик-подполковник. Ни ему, ни солдатам война не нужна.

* * *

Аркадий до боли сжал зубами свисток. Через несколько секунд атака. Первая в его жизни. В сером рассветном небе лопнула ракета. Пора. Он свистнул, рванул наган из кобуры и выпрыгнул на бруствер. Сзади охрипшие голоса выдавили «ура!» и побежали за ним по полю.

Впереди заплясали огоньки. «Стреляют», — мелькнула мысль. И тут же пришла уверенность, что ничего с ним не случится.

— За мной! — закричал он, и непонятный восторг мурашками пробежал по спине.

Сзади топали сапоги. Кто-то рядом вскрикнул. До австрийских окопов несколько метров. Вот они.

Аркадий прыгнул, выстрелил из нагана в чье-то перекосившееся от страха лицо. Вспышка, пуля обожгла лицо. «Кажется мимо». И снова из нагана. Теперь вдоль окопов. Он видел спины своих солдат, работающих штыками по-мужицки, словно вилами.

— Ваше благородие, бегут австрийцы!

Все! Окопы наши!

* * * *

— Поздравляю прапорщика с первой наградой. — Полковник прикрепляет к его шашке алый темляк — «клюкву», первый боевой орден — Анну 4-й степени.

И опять окопы, опять перестрелки и артналеты — позиционная война.

— Ваше благородие, к командиру роты...

В землянке у ротного уже находился Сомов, на столе карта.

— Завтра наступление, ровно в шесть утра. Учтите, господа, что на нашем участке австрийцев сменили немецкие егеря. Так что смотрите в оба!

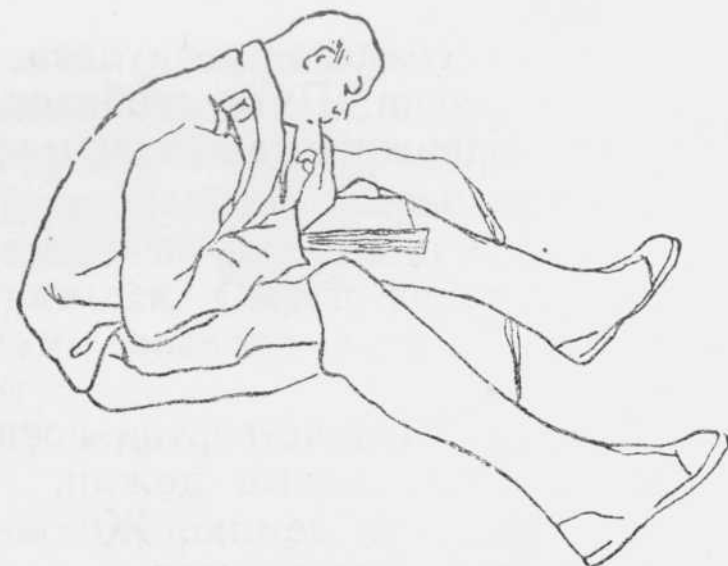
Из первой линии окопов немцев выбили без труда.

Аркадий бежал впереди полуроты. Внезапно высота ощерилась огнем. Завизжала шрапнель. Аркадий обернулся. Полурота откатывалась назад, оставляя на земле убитых.

— Вперед! За мной! — Аркадий махнул наганом в сторону высоты.

Внезапно что-то сильное оторвало его от земли, подбросило. Он почувствовал щекой холодную грязь, и наступила темнота.

Очнулся он в немецком госпитале. Ему повезло. Он попал в офицерский лагерь в Лотарингии. Совсем близ-

А. Харлампиев в лагере для пленных офицеров (автопортрет)

ко от границы Франции. Каждое утро, как только зажили раны, Харлампиев занимался гимнастикой и обливался ледяной водой. Он ждал, когда вернутся силы, чтобы бежать. Через фронт во Францию...

...Часовой уже в двух шагах. Ноздри Аркадия уже чувствуют запах дешевого табака. Вот он подошел к углу.

Удар!

Голова солдата дернулась, лопнул лакированный ремешок каски. Путь свободен. Аркадий перешагнул через неподвижное тело и скрылся в темноте.

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Ранней была четвертая военная весна на Западном фронте. Бесконечные дожди, зарядившие в середине марта, размывали землю. Жидкая, вязкая грязь остановила войну. Выдохшиеся в бесплодных атаках армии отсиживались в мокрых окопах, отдыхали. Солдаты радовались дождю, дававшему им небольшую передышку, увеличивающему их шансы выжить в этой опустоленной и ненужной им войне.

И в этот день, как и вчера, начался дождь. Начался, словно услышал тысячи молитв, просивших бога послать его. Сидеть в мокрых окопах все же значительно лучше, чем гибнуть на сухой от солнца нейтральной полосе.

Рядовой первого класса 17-го линейного полка французской армии парижанин Поль Матье заступал на пост ровно в полночь.

Капрал — разводящий, невыспавшийся и злой, на прощание ткнул Поля кулаком в бок.

— Смотри, Матье, боши не спят, если же ты вздумаешь дремать на посту, я поломаю тебе рожу, верблюжий недоносок.

Поль промолчал. Ему было лень ругаться с капралом.

— Понял?

— Ладно, следи за собой, когда пойдешь в сартир.

— Ну, ну, ты!

Он слышал, как прочавкали в окопе шаги разводящего. Сейчас капрал залезет в блиндаж, закурит трубку... Чертовски хотелось курить. А может, попробовать? Нет, опасно. Командир роты капитан Перье лазит по окопам. Увидит — не вылезешь из ночных дежурств.

Внезапно дождь прекратился. Сырой ветер с моря разогнал тучи. Над окопами повисла луна, огромная, как фонарь на площади Этуаль.

Поль, прислонившись к стене траншеи, сосал пустую трубку. Тишина.

До смены далеко. Часа полтора еще. А может, присесть на дно траншеи и попытаться раскурить трубку?

И вдруг... Он почувствовал всем существом своим, что в этой ночи есть еще кто-то. «Немецкая разведка?»

Поль отошел на несколько шагов в глубь траншеи и взял винтовку на изготовку.

Точно, ползут! Он уже отчетливо слышал, как чавкает грязь под тяжестью человеческого тела. Горячая волна ярости захлестнула его, он повел стволом в сторону шума и выстрелил.

Грохот винтовки разорвал ночную тишину. Траншея ожила. Раздались свистки сержантов, обрывки команд, топот сапог и звон оружия.

— Первая рота, в ружье!

На левом фланге, словно спросонья, лихорадочно забился пулемет.

К Полю подбежал сержант Боригар.

— Что там, Матье?

— Ползут, сержант...— Поль не успел договорить, как почти у самого окопа услышали срывающийся голос.

— Не стреляйте, не стреляйте! Я русский офицер. Бежал из плена.

— Русский офицер? — удивился сержант.— Ползите сюда. А вы, ребята, будьте наготове, знаю я эти штучки бошей!

Через бруствер, тяжело дыша, перевалил человек.

— Кто вы такой? — строго спросил сержант.

— Русский офицер, бежал из плена, отведите меня к командиру роты.

Капитан Перье встретил задержанного холодно. Он брезгливо, двумя пальцами, взял его документ, повертел в руках, пожал плечами и бросил на стол.

— Садитесь.

Капитан подвинул ему табуретку.

— Рассказывайте.

— Я прапорщик 184-го Ундомского полка Аркадий Харлампиев, бежал из офицерского лагеря в Эльзасе. Я семь суток почти ничего не ел.

Капитан удивленно поднял брови. Русский говорил на прекрасном французском языке, с парижским акцентом.

— О, мосье, вы говорите как истинный парижанин.

— Я пять лет, капитан, жил во Франции, в Париже, учился в Школе изящных искусств.

— Минутку, мосье. Вестовой, немедленно принеси поесть господину русскому офицеру и коньяка. Отдыхайте, мосье Харлампиев, утром мы вас отправим в штаб бригады.

Командир бригады, тучный багроволицый генерал,

с изумлением глядел на человека в грязной, рваной неизвестной форме.

— Вы герой, мосье, рад пожать руку доблестному офицеру союзной армии. Но ваш вид...

— Я полз на брюхе из Эльзаса.

— О бедный, отважный русский! Скорее, скорее в ванну и переодеться.

Аркадий чуть не заснул в ванне. Господи, какое наслаждение сбрить щетину, надеть чистое белье! Аркадий взглянул на себя в зеркало. Из синеватого полумрака глядел на него худощавый французский офицер без погон и в кепи, лихо сдвинутом набекрень. Аркадий снял китель, отцепил от своей гимнастерки погоны, аккуратно вытер их и прикрепил на французский мундир.

Вот так-то лучше!

После обеда командир бригады, крепко пожав ему руку, сказал:

— Мы снеслись с вашим военным атташе генералом Игнатьевым. Он ждет вас в Париже. Моя машина к вашим услугам.

— Мерси, генерал.

Огромный зеленый «ситроен» на рассвете ворвался в Париж. Оглушительно чихая в узеньких улочках предместья, он наконец выскочил из лабиринта улиц на Рю де Гринель, где помещалась канцелярия русского военного атташе.

«Вот мы и вновь встретились с тобой, Париж! Ты все такой же гостеприимный и изящный. Все те же ажаны на углах, все те же тележки зеленщиков, так же, как флаги, висят на окнах матрасы».

Машина затормозила.

— Приехали, лейтенант,— улыбнулся шофер,— желаю удачи.

В канцелярии Харлампиева встретил дежурный рот-

мистр. Не дослушав рапорта, он поманил Аркадия за собой.

В небольшом кабинете навстречу Харлампиеву поднялся огромного роста красавец генерал.

— Ваше превосходительство, честь имею явиться, командир второй полуроты первого батальона 184-го Ундомского полка, прапорщик Харлампиев, бежал из плена!

— Похвально. Очень похвально, прапорщик. Во-первых, позвольте поздравить вас с праздником, с русской революцией.

— Как революцией? Когда?

— В феврале. Царь низложен, власть в России принадлежит народу.

— Ваше превосходительство...

— Э-э-э, не так, прапорщик. Теперь зовите меня «господин генерал». Да вы присядьте, расскажите о себе.

Через два часа Харлампиев вышел из канцелярии военного атташе. Граф Игнатьев своей любезностью очаровал Аркадия. Ему выдали жалование за все время плена, русский паспорт, офицеры канцелярии подобрали ему новую форму.

Он идет, позванивая шпорами, придерживая левой рукой шашку, бьющую по сапогам. Он опять идет по Парижу. Нужно непременно найти Гастона.

Вот она, маленькая улочка, на которой живет его тренер. У дверей дома Аркадий на секунду остановился, перевел дыхание. Старина Гастон! Сколько лет прошло с того летнего вечера, когда Гастон провожал его на Северном вокзале! Защемило в груди, глаза стали влажными.

94 «Фу ты черт! Совсем раскис. Того гляди заплачу...»

Аркадий поправил портупею и нажал на ручку двери. Где-то в глубине звякнул колокольчик.

Консьержка в засаленном халате выросла на пороге. Она подозрительно оглядела военного в незнакомой форме.

— Что угодно, мосье?

— Мосье Тиль дома?

— Нет, господин Гастон в это время всегда пьет пиво в кафе на углу. А кто вы такой, мосье?

— Я русский офицер, его давнишний друг.

— О, русский,— консьержка расплылась в улыбке,— конечно, конечно. Мосье Гастон будет очень рад.

— Спасибо, мадам, до свидания.

Вновь коротко звякнул колокольчик. Как он мог забыть любимое кафе Гастона! Ну конечно же, сейчас время аперитива! Гастон там пьет свое пиво и спорит о политике. Его столик у самого окна, в углу. Как он мог это забыть!

Гастон сидел за тем же самым столиком. Аркадий, нарочно громко звеня шпорами, под изумленные взгляды посетителей прошел в угол, к столику Гастона. Старый тренер не поднял головы: мало ли кто из тыловых пижонов звенит шпорами!

— Здравствуй, старик.

Гастон поднял голову. Нет! Не может быть!

— Аркадий, мой мальчик, ты не забыл старика!

Они крепко обнялись.

— Арни,— крикнул Гастон хозяину,— шампанского, у меня сегодня праздник!

Шли дни. Каждый из них был мучительно долгим для Аркадия. Об отправке в Россию нечего было и думать. Немецкие подводные лодки блокировали все водные пути. А телеграф ежедневно приносил из России самые невероятные вести. На Родине творилось

что-то не совсем понятное. Это еще мучительнее заставляло рваться домой. Как же ему не повезло! Столько лет мечтать о революции, надеяться одним из первых быть на баррикадах и вдруг ранение, плен. Правда, во Франции была частичка России — экспедиционный корпус, но после революции обстановка в нем была очень напряженная. Солдат разоружили и заперли в лагерь, а офицеры пропивали в борделях и ресторанах казенные суммы, оправдывая репутацию «русских бояр».

Деньги, выданные в канцелярии русского атташе, кончались. Но, как всегда, на выручку пришел старина Гастон: он разыскал Вагнера, и Аркадий вновь подписал контракт.

Военный мундир был спрятан в шкаф, шашка повешена на угол все той же старой комнаты на улице Мари. Теперь солнце, падая на ее эфес, делало оружие единственно красивой и дорогой вещью в каморке под крышей.

Тренировки были тяжелыми. Сказывались ранение, двухлетний перерыв, плен, недоедание. Но Аркадий работал с необычайным упорством. Ежедневно он чувствовал, как мышцы наливаются приятной силой, становятся упругими и эластичными. Постепенно возвращались утраченная резкость, подвижность, реакция, игровое мышление.

Но Гастон был недоволен. Рано. Надо подождать. Шарль Лампье не может проиграть первой встречи. И снова Аркадий работал на «лапах» и нещадно колотил «грушу», снова гимнастика и пробежки по Булонскому лесу.

— Рано, — говорит Гастон, — пусть сначала войдет в форму, тогда...

Вагнер не спорил. Он слишком хорошо знал, что

будет тогда. О, Вагнер верил в звезду Шарля Лампье и опыт Гастона!

«Париж остается Парижем» — играли на каждом углу уличные оркестрики. Ни война, ни тысячи убитых не повлияли на настроение вечного города. В салонах мод умопомрачительные манекенщицы демонстрировали миллионные туалеты, в театрах муссировалась проблема пола, кинематограф показывал зрителям веселые похождения зуавов. Город спешил жить, алчно, жадно. Неизвестно, что будет завтра. Ведь Париж под прицелом «Большой Берты», немецкие аэропланы прорываются почти к самому городу. На фронте гибнут ежедневно сотни мужчин. Парижанки укоротили юбки. В роскошных кабаках новшество — американский джаз. Город наводнили американцы. У них много денег и энергии. Они продают и покупают, делают деньги. Они хотят вина, женщин, нервощекочущих зрелищ. В старую Европу приехали американские боксеры. О, это были решительные молодые люди! Они ломали установившиеся традиции. Победитель получает все! Все до копейки деньги за встречу. Условия были настолько непривычны и жестоки, что многие боксеры просто отказывались работать с американцами. Они не хотели рисковать. Кулаки у гастролеров были внушительными. Европейской школе бокса они противопоставляли силовой многораундовый бой.

* * *

Чемпион Америки в среднем весе Дуглас Темплиер остановился в лучшем парижском отеле «Адмен». Уже пять дней он в Париже, а контракт на встречу так и не подписан. Дуглас нервничал. Поездка в Европу должна была поправить его дела. В Штатах ему последнее время приходилось нелегко. Он прекрасно знал,

Американец отступил. Аркадий шагнул вслед за ним. Шаг — удар, еще шаг — еще удар. Теперь наступал он. Дуглас вынужден был уйти в защиту.

Гонг!

В синем углу: «Наступай, наступай. Я понял тебя. Он уже привык. Ты молодец, малыш».

В красном углу: «Он однообразен и плохо работает левой. Отдохни этот раунд. (Пусть он потешится. Вымогай его».

И опять финт левой, правой в лицо. И опять Дуглас привык. Он работал спокойно, с некоторой снисходительностью. Мол, бей, бей, посмотрим, что будет дальше.

Аркадий опять пошел в атаку.левой по корпусу. Дуглас даже не изменил положения рук.

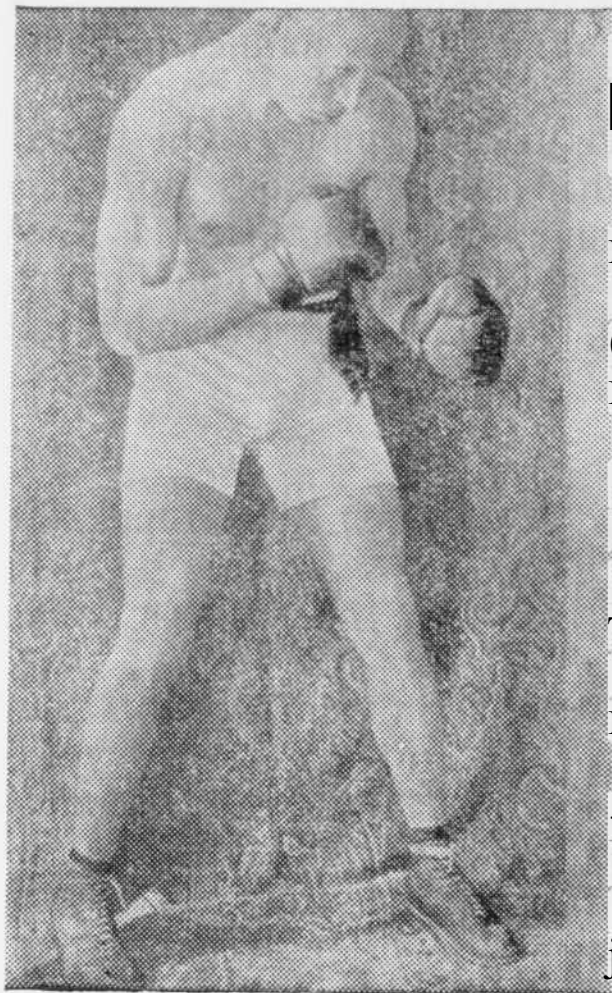
Правой...

Противник перчатками закрыл лицо. Тогда правая рука Аркадия резко изме-

нила направление и — мощный удар по печени американца.

Дуглас взмахнул руками, словно собрался прыгнуть в воду, и неуклюже, боком повалился на пол.

Он не встал и после счета «Аут!» Дуглас пришел в себя только в раздевалке.

А. Харлампиев в Париже

И опять имя Шарля Лампье появилось на страницах французских спортивных газет. И опять к Вагнеру посыпались письма от хозяев клубов и менеджеров с деловыми предложениями.

Ну, кажется, что еще надо человеку? Газеты о нем пишут, деньги есть, о куске хлеба думать не надо. Сиди себе на берегу Сены да рисуй потихоньку. Кончится война, устроишь свою выставку. Райское житье! Сиди рисуй да слушай шепот реки и дыхание Парижа.

Аркадий не мог рисовать, не мог спокойно сидеть у Сены. Он рвался домой. Раньше всех он приходил к газетчику на улице Мари. Но что можно было понять из репортажей французских газет? Ничего. «Наступательный дух русской армии по-прежнему велик», «Новое демократическое правительство стоит за войну до победного конца», «Немецкие шпионы сеят смуту».

Уж лучше и не читать эти газеты, все равно ничего не поймешь! Но жить без вестей с Родины? Это еще хуже.

И бюро военного атташе стало для Аркадия маленьким российским островком. Истосковавшийся на чужбине, он тянулся к соотечественникам. Русский язык, русские буквы на документах, воспоминания. Сотрудники Игнатьева привыкли к нему, дружно ходили «болеть» за Аркадия, просили иногда помочь разобраться в бумагах, а главное — сообщали о событиях в России. Но эти люди, оторванные от Родины, пусть даже по-своему честные, сами не могли разобраться в происходящем, сами находились в томительном ожидании событий.

Однажды Аркадий после тренировки забежал к военному атташе. Игнатьева не было. Харлампиева встретил ротмистр Ознобишен. По выражению его лица Аркадий понял, что случилось что-то очень важное.

— Николай Николаевич, в чем дело? На вас лица нет.

самая обыкновенная, пахнувшая кошками и помойными ведрами.

«Не очень, видно, влиятелен-то», — подумал Аркадий.

Он поднялся на третий этаж. Вот дверь с номером семьдесят девять. Аркадий позвонил. Дверь распахнулась сразу же, будто кто-то уже стоял за ней, ожидая его звонка.

— Прапорщик Харлампиев?

— Да.

— Господин полковник ждет вас.

Аркадий повесил шляпу на обломок оленьего рога, поставил в угол трость. Прихожая, как у дантиста средней руки. Пыльные чехлы, сломанная вешалка, на стенах тусклые фотографии.

— Чушь какая-то. Прямо пещера Лихвейтса!

Он одернул пиджак, постучал в дверь.

— Да, прошу, — отозвался приятный баритон.

Аркадий вошел. Комната чем-то напоминала штаб. Посередине стол. Карты на стенах. Портрет Николая в траурной рамке. Аркадий не поверил своим глазам, за столом сидел самый настоящий русский полковник с гвардейским шифром на погонах. Вид его, да и вся эта комната с огромной картой, утыканной флажками, с портретом Николая, были настолько нелепы здесь, в Париже, что Аркадий не мог подавить улыбку.

— Я не понимаю вашего веселья, прапорщик, — полковник встал. — Здесь штаб. Да, штаб одного из центров борьбы с большевизмом.

— Чем могу быть полезен вам, господин полковник?

— Не мне, не мне, прапорщик. Родине нашей. Измученной, истрадавшейся Родине.

— То есть как?

— Вы, боевой офицер, спрашиваете меня об этом? Не ожидал. Неужели вам не ясно, как мы, военные,

можем помочь России? — полковник сделал паузу, поднял руку. — Только мы, солдаты, спасем нашу Родину. Долг каждого офицера — взять в руки оружие.

— Я не понимаю, полковник, против кого я должен обнажить оружие?

— То есть как? Против большевиков, врагов всего цивилизованного человечества.

— Говоря о большевиках, вы, видимо, имеете в виду русский народ...

— Что за разговоры, прапорщик? Как вы смее называть народом банду немецких шпионов, людей, изменивших государю, предавших союзников?

— Я хотел бы узнать, кто уполномочил вас говорить со мной.

— Я уполномочен главнокомандующим вооруженных сил юга России...

— А у вас что, в каждой части России есть армия?

— Молчать! — полковник шагнул к Аркадию. Шпоры его угрожающе лязгнули. — Вы не офицер, вы позорите доблестное русское офицерство, вы трус!

Аркадий почувствовал, как его кулаки налились. Ненависть комком поднялась к горлу.

— Слушай, паркетный шаркун, — он схватил полковника за китель, — ты сам воевал когда-нибудь? А? Воевал? Штабная сволочь! А армия твоя — сброд. Вас же раздавят как мух. Понял? А я не трус. Я просто по другую сторону баррикады. Понял?

Он толкнул полковника. Толкнул, не рассчитав сил. и тот, сбив по дороге стул, с грохотом отлетел в угол и распластался на полу.

Аркадий выскочил в коридор. Сорвал шляпу, схватил трость. Он успокоился только на улице. Какая сволочь! Вербует людей! Против кого хочет воевать этот полковник? Против ребят-деповцев из Смоленска, про-

самая обыкновенная, пахнувшая кошками и помойными ведрами.

«Не очень, видно, влиятелен-то», — подумал Аркадий.

Он поднялся на третий этаж. Вот дверь с номером семьдесят девять. Аркадий позвонил. Дверь распахнулась сразу же, будто кто-то уже стоял за ней, ожидая его звонка.

— Прапорщик Харлампиев?

— Да.

— Господин полковник ждет вас.

Аркадий повесил шляпу на обломок оленьего рога, поставил в угол трость. Прихожая, как у дантиста средней руки. Пыльные чехлы, сломанная вешалка, на стенах тусклые фотографии.

— Чушь какая-то. Прямо пещера Лихвейтса!

Он одернул пиджак, постучал в дверь.

— Да, прошу, — отозвался приятный баритон.

Аркадий вошел. Комната чем-то напоминала штаб. Посередине стол. Карты на стенах. Портрет Николая в траурной рамке. Аркадий не поверил своим глазам, за столом сидел самый настоящий русский полковник с гвардейским шифром на погонах. Вид его, да и вся эта комната с огромной картой, утыканной флажками, с портретом Николая, были настолько нелепы здесь, в Париже, что Аркадий не мог подавить улыбку.

— Я не понимаю вашего веселья, прапорщик, — полковник встал. — Здесь штаб. Да, штаб одного из центров борьбы с большевизмом.

— Чем могу быть полезен вам, господин полковник?

— Не мне, не мне, прапорщик. Родине нашей. Измученной, истрадавшейся Родине.

— То есть как?

— Вы, боевой офицер, спрашиваете меня об этом? Не ожидал. Неужели вам не ясно, как мы, военные,

можем помочь России? — полковник сделал паузу, поднял руку. — Только мы, солдаты, спасем нашу Родину. Долг каждого офицера — взять в руки оружие.

— Я не понимаю, полковник, против кого я должен обнажить оружие?

— То есть как? Против большевиков, врагов всего цивилизованного человечества.

— Говоря о большевиках, вы, видимо, имеете в виду русский народ...

— Что за разговоры, прапорщик? Как вы смее называть народом банду немецких шпионов, людей, изменивших государю, предавших союзников?

— Я хотел бы узнать, кто уполномочил вас говорить со мной.

— Я уполномочен главнокомандующим вооруженных сил юга России...

— А у вас что, в каждой части России есть армия?

— Молчать! — полковник шагнул к Аркадию. Шпоры его угрожающе лязгнули. — Вы не офицер, вы позорите доблестное русское офицерство, вы трус!

Аркадий почувствовал, как его кулаки налились. Ненависть комком поднялась к горлу.

— Слушай, паркетный шаркун, — он схватил полковника за китель, — ты сам воевал когда-нибудь? А? Воевал? Штабная сволочь! А армия твоя — сброд. Вас же раздавят как мух. Понял? А я не трус. Я просто по другую сторону баррикады. Понял?

Он толкнул полковника. Толкнул, не рассчитав сил. и тот, сбив по дороге стул, с грохотом отлетел в угол и распластался на полу.

Аркадий выскочил в коридор. Сорвал шляпу, схватил трость. Он успокоился только на улице. Какая сволочь! Вербует людей! Против кого хочет воевать этот полковник? Против ребят-деповцев из Смоленска, про-

тив Ильина, против доброго старосты, грузчиков с Рачевки... Какая сволочь! Нет, хватит, бокса, Парижа! Деньги есть, пора пробираться домой...

* * *

Два разговора, происшедших приблизительно в одно и то же время.

Первый в кафе «Ротонда».

— Ты, пойми, Гастон, я больше не могу. Мне нужно домой.

— Ты чужак, Аркадий. Домой через фронт? Каким образом?

— Безразлично. Только домой.

— Хорошо, малыш, у меня есть друг в префектуре, он постарается достать тебе пропуск до Эстонии.

Второй — по телефону.

— Алло!

— Он в «Ротонде».

— Один?

— Нет, с ним еще кто-то.

— Подождите, пусть останется один.

— Слушаюсь.

— Только чтобы все было чисто.

— Не извольте беспокоиться, господин полковник.

— С богом.

* * *

— Значит, до завтра, Гастон,— Аркадий пожал руку тренеру и зашагал в сторону улицы Мари. Он ходил, как истый парижанин, проходными дворами, экономя время. И сейчас он свернул на улицу Гранд Бательер, оттуда через лабиринты Центрального рынка к себе на Монмартр. Около Пассажа его встретили двое. Они стояли, загородив улицу. Аркадий оглянулся: сзади под-

бегали еще двое. Теперь он стоял окруженный со всех сторон.

— Ну-с, господин большевик, поговорим,— придвинулся к нему один в котелке, низко надвинутым на глаза. Он взмахнул тяжелой тростью. И рухнул: кулак Аркадия точно пришелся по челюсти.

Аркадий прыгнул вперед. По плечу больно ударили чем-то тяжелым. Но он не останавливался, он бежал.

Сзади зловеще грохнул выстрел из офицерского нагана. Потом еще, еще. Сорвало шляпу. Где-то начали перекликаться трели полицейских свистков. Он нырнул в лабиринты Центрального рынка...

Ночевал Аркадий у Вагнера. Вызванный по телефону Гастон принес его вещи. Он же и рассказал, что Аркадия ищет полиция. Деникинская контрразведка сообщила, что бывший прапорщик Харлампиев — агент большевиков.

В тот же день Вагнер достал Аркадию паспорт и пропуск в Эстонию.

А на следующий день вечерним поездом с Северного вокзала уехал некто Кольберг, спортивный импрессарио, совладелец Ревельского «Бокс-клуба».

О САМОМ ГЛАВНОМ

В аллеях не подметали, и листья, бронзовые, с каким-то необычным отливом, завалили скамейки. Октябрьский ветер неохотно тащил их по траве. Сокольнический парк был удивительно красив. Красив именно своей запущенностью, тишиной, безлюдием. Аркадий Георгиевич видел и Булонский лес, и Таллинский кадриорг, но они даже в сравнение не шли с Сокольниками.

Почему-то для него Москва всегда ассоциировалась именно с этим парком. А в общем в этом ничего удиви-

тельного не было. Первые свои акварели в Москве он писал здесь и чемпионом России стал тоже здесь. И на чужбине, долгими ночами думая о Москве, Аркадий Георгиевич вспоминал именно этот заваленный листьями, с покосившимися скамейками парк.

В Таллине в его комнате висела на стене литография с картины Левитана «Осень в Сокольниках». И когда становилось совсем невыносимо, когда приступ тоски был особенно силен, Харлампиев смотрел на знакомую аллею, скамейку, деревья, и казалось, они оживали; и не было комнаты с большим «венецианским» окном, и не было мрачного неба с тяжелыми тучами за ним...

Если в Париже Россия казалась недосыгаемо далекой, то в Таллине она была совсем рядом. Пешком пройти — и Луга. Русский маленький город, с кирпичным лабазом на площади, собором, деревянными мостками тротуаров.

Только в Таллине Аркадий понял, что такое приступ ностальгии. Болезни, которая иначе называется тоской по родине.

Он приехал в Таллин в конце августа. Вышел из вагона на перрон маленького, словно игрушечного, вокзала.

Дождь, больше похожий на пыль, немедленно покрыл лицо, руки, одежду, будто по тебе провели влажным полотенцем. Город показался ему мрачным и неуютным.

Утром, выйдя из гостиницы, он увидел совсем другой город. Дождя не было, северное солнце, яркое и холодное, осветило город. Он был похож на выпуклые немецкие новогодние открытки: узенькие улицы, кованые решетки, стрельчатые башенки домов.

Аркадий шел по чистеньким тротуарам и думал: сколько же придется ему задержаться в этом городе?

Бюро регистрации иностранцев находилось на улице Пялк. Перешагнув порог, он сразу же понял, что Бюро не что иное, как филиал охраны. Чиновник в зеленом мундире внимательно прочитал его документы.

— Минутку, господин Кольберг, — чиновник забрал бумаги и вышел в соседний кабинет. Аркадий остался один. Он сел на деревянный, до блеска вытертый диван. В комнате тихо, только муха остервенело бьется о стекло. Аркадий закрыл глаза. Внезапно он почувствовал чей-то взгляд. В дверях стоял высокий мужчина в хорошо сшитом сером костюме. Он внимательно разглядывал Аркадия. Аркадий сразу определил, что перед ним бывший офицер. Была в этом человеке какая-то неуловимость примет. Осанка, разворот плеч, подбородок, властно вскинутый вверх...

— Простите, господин Кольберг, вы давно прибыли из Франции? — спросил вошедший по-русски.

Аркадий внутренне весь сжался. Вот она, ловушка!

— Что вы сказали, мосье? — растерянным тоном спросил он по-французски.

— Я спрашиваю вас, давно ли вы изволили покинуть Париж?

— Мне очень жаль, мосье, но я не говорю по-эстонски.

— Простите, — на этот раз с хорошим французским произношением.

Аркадий поклонился молча. Молодой человек повернулся и вышел. Аркадий подошел к барьеру, перегородившему комнату, положил на него трость и шляпу.

Да, родной язык придется на время забыть. Этот хлюст наверняка переодетый белый контрразведчик. Но что ему надо?

— Господин Кольберг, — в комнату опять вошел чи-

Портреты работы А. Харлампијева.

новник в мундире,— мы разрешаем вам находиться на территории Эстонии ровно год. Но вы должны сообщить властям о роде ваших занятий.

— Я совладелец Ревельского...

— Простите, но такого города нет. Есть Таллин.

— Прошу прощения, дурная привычка. Так я продолжаю. Я совладелец Таллинского «Бокс-клуба», компаньон господина Вагнера.

— Ваш капитал составляет какую сумму?

«Эх, врать так врать», — весело подумал Аркадий.

— Восемьсот тысяч франков.

— Ах так,— чиновник встал и почтительно протянул документы Аркадию.

по

— Мерси, мосье,— Аркадий положил на барьер стофранковую бумажку.

Чиновник выскочил из своей отгороженной конуры и подобострастно распахнул дверь.

На улице «обладатель капитала и совладелец» «Бокс-клуба» тяжело вздохнул. Он отдал этому дураку одну восьмую своего капитала. В кармане осталось всего семьсот франков.

Аркадий поправил шляпу, и посвистывая, пошел в кафе обедать.

Так началась его жизнь в Таллине. Спокойная, размеренная. Дни были удивительно похожи друг на друга. Деньги Аркадий зарабатывал в «Бокс-клубе». Тренировал и выступал сам. Казалось, что ничто не может потревожить спокойного, размеренного существования.

А где-то, всего в двухстах километрах, гремела война. На всем протяжении от Балтики до Тихого океана гудела земля под копытами коней. Шла гражданская война. Аркадий стремился туда. Но слишком бдительно охранялась граница маленькой буржуазной Эстонии. Слишком бдительно.

Только через три года удалось ему попасть на родину. Друзья сказали Аркадию, что в Берлин приехал Николай Ильич Подвойский, и Харлампиев решил непременно встретиться с ним. Встреча состоялась...

А потом было ощущение острого счастья, когда на станции Негорелое он увидел большую арку, украшенную зеленью и надписью РСФСР. На каком-то полустанке Аркадий спрыгнул на горячий от солнца, пахнувший мазутом песок. Сразу за насыпью начиналось поле. Обыкновенное русское поле, поросшее ромашками и одуванчиками. Аркадий глядел на поле, на близкий лес, слушал, как сверещат кузнечики, и только сейчас понял, что он дома. Понял и заплакал.

Ш

...Какой-то человек прошел по аллее, покосился на этюдник, на пожилого мужчину, сидящего с закрытыми глазами. Покосился и зашагал дальше. Мало ли чудаков приходит в Сокольники, особенно художников!

Аркадий Георгиевич посмотрел на часы. Времени до начала тренировки оставалось вполне достаточно.

Сразу же после приезда на родину Аркадий Георгиевич начал преподавать бокс на курсах Всеобуча. Бокс входил как одна из дисциплин в общий комплекс физического воспитания будущих командиров.

Харлампиеву нравились его новые ученики. Крепкие, румяные парни. Они чем-то напоминали ему ребят из смоленской боевой дружины. Но преподавание бокса, к сожалению, ограничивалось только тренировками. Соревнований не было.

А соревнования были нужны. Необходимо, чтобы бокс стал популярен. Только тогда молодежь сможет его понять и оценить. Московский кружок бокса находился в подвале маленького дома на Мясницкой. Аркадия Георгиевича встретили с почтением. Еще бы, человек познавший бокс в совершенстве, боец, чье имя хорошо известно в Европе! Конечно, оборудования не было никакого. Только самодельные мешки висели под потолком. Но перчаток было много. Трофейные. Их бросили в Мурманске интервенты.

В тренировочном зале у стены, покрашенной белой краской, стоял худощавый светловолосый боксер. Два человека за его спиной устанавливали рефлектор.

— Это еще зачем? — удивился Харлампиев.

— Сейчас будет бой с тенью.

— То есть как?

— Боксер будет драться со своей тенью.

— Подождите. При чем здесь своя тень? Бой с тенью — это термин. Это прежде всего бой с воображае-

мым противником. Это импровизация, взлет фантазии, творчество боксера.

После этого случая Харлампиев твердо решил написать первую советскую книгу о боксе.

И он написал ее. И профессиональные встречи организовал. Встречи, на которые могли приходиться все желающие. Много было работы. Тем более что Аркадий Георгиевич работал в театре Массового действия, был одним из инициаторов «Общества строителей международного красного стадиона», стал одним из пионеров советского альпинизма.

Но все же бокс для него был главным. А новый вид спорта постепенно завоевывал позиции.

Прошло первое первенство Москвы, потом страны. Впервые советские боксеры уехали за рубеж, в Латвию. Об их блистательной победе долго писали газеты.

Вскоре бокс стал таким же равноправным видом спорта, как футбол и теннис. В СССР появились боксеры с мировыми именами: Виктор Михайлов, Константин Градополов, Иван Богаев.

Тогда-то и решено было создать при институте физкультуры кафедру бокса. Харлампиева пригласили руководить ею. Секция института не принимала участия в соревнованиях. По городу пошли самые разнообразные слухи. Сводились они к одному: «Старик» не пускает на тренировки репортеров, боится, чтобы не узнали его «секретов». А Харлампиев просто считал, что его ребята еще не готовы. Рано им выходить на большой ринг и раздавать газетные интервью. Рано. Но сегодня он решил сразу покончить с разговорами. Он примет репортера.

* # *

В зале пахло кожей и свежестью.

Он впервые попал в боксерский зал. Да и бокс до

этого видел только на картинке в какой-то английской книжке. Для него все еще было в новинку, даже его работа. Заведующий отделом информации «Вечерки», взъерошенный, охрипший от ругани по телефонам, долго рассматривал его направление. Потом вздохнул и дал первое задание.

— Гроб. Пустое дело,— сказал ему кто-то из старых репортеров,— с Харлампиевым ничего не выйдет. «Старик» не любит нашего брата.

И вот он сидит в зале, на дверях которого табличка: «Зал защиты и нападения», и ждет доцента кафедры бокса института физкультуры старшего тренера Аркадия Георгиевича Харлампиева.

Зал поразил его обилием непонятных вещей и зеркальными стенами. Иногда он казался ему фантастическим садом. Огромные кожаные плоды, круглые, грушеобразные, цилиндрические, свисали с потолка, зеркала бессчетно повторяли их, и границы этого фантастического сада терялись в искусственном горизонте.

Он взглянул на часы. Ему сказали, что «Старик» никогда не опаздывает. Три. Он поднял голову и увидел, что к нему со всех концов зала идут пятеро седых, подтянутых Харлампиевых. Он на секунду замешкался, выбирая одного, живого, главного, и, наконец найдя, пошел к нему навстречу.

— Здравствуйте, молодой человек. Мне сказали, что вы боксер и хотите заниматься в нашей секции.

На него смотрели добрые светлые глаза, и ему вдруг стало нестерпимо стыдно за свою ложь. И краснеть он начал пятнами, как в детстве, когда его уличали в чем-то нехорошем. И тогда он проклял мысленно своих советчиков из длинной репортерской комнаты и, путаясь в словах, запинаясь, рассказал все как есть. Рассказал, кто он и зачем пришел сюда.

Харлампиев слушал не перебивая. И глаза его оставались по-прежнему бесстрастными, светлые глаза на загорелом моложавом лице. Лице гладиатора, ушедшего на покой.

И когда он думал, что пропал, что его выгонят в шею отсюда, из зала, Харлампиев вдруг рассмеялся и сел на длинную лавку у стены.

— Значит, я боюсь репортеров, не пускаю их на тренировки, берегу тайны ремесла.

— Да,— он еще больше покраснел и решил сам бежать из зала немедленно, сию же секунду.

— А если не секрет, кто вам это сказал?

— Тайчер, наш репортер.

— Это тот, который подписывается И. Тай?

— Да.

— Ну, его я действительно выгнал лет пять назад из зала. Да сами подумайте! Не знаю, помните вы или нет, бокс у нас решили запретить. Гублит переусердствовал. Так он пробрался к нам на тренировку, а потом в «Вечерке» написал, что, мол, бокс — мелкобуржуазная игра. Именно игра, и не к лицу пролетарию бить товарища по классу. А нам тогда каждое печатное слово было дорого необычайно. Ожидали от него поддержки, и вот тебе...

— Но я собираюсь писать о другом.

— Я понимаю, и время другое. А насчет секретов... Так у меня их просто нет! На тренировке может присутствовать любой. Если хотите...

— Конечно! Конечно, хочу!

— Вот и хорошо. Ну, а в боксе вы, естественно, ничего не понимаете?

— Да,— он сокрушенно вздохнул.

— Не все сразу. Настанет время — поймете.

Тренировка начиналась в пять. У него был почти час

в запасе. И репортер ходил по институту, как ходят по новой земле, открывая для себя новые, совершенно неизвестные формы жизни. Оказывается, здесь футбол был не просто игрой — он был наукой. Об этом рассказывали диаграммы, чертежи, плакаты.

Так он ходил по коридорам, и каждая комната была для него откровением. А потом он опять пришел в зал с зеркалами. Пришел и стал ждать.

Ближе к пяти зал наполнился молодыми, крепкими парнями и их зеркальными двойниками.

В пять в зал вошел «Старик».

— Все? — спросил он, поздоровавшись.

— Все! — ответили боксеры.

— Ну и прекрасно. Константин Васильевич, давайте начинать, — обернулся он к своему помощнику.

Он думал, что тренировки — это бой. Сейчас «Старик» наденет перчатки и начнет драться со всеми вместе и с каждым в отдельности. Но все было проще. Парни выстроились в шеренгу, как школьники на экскурсии.

— Тема нашего сегодняшнего занятия — удар, — начал Харлампиев чуть глуховатым голосом. — Как вы думаете, две руки сильнее одной?

— Конечно, — в строю засмеялись.

— Тогда прекрасно. Саша, — Харлампиев поманил к себе высокого плотного парня, — Саша, пожалуйста, ударь по мешку двумя руками сразу.

— Двумя, — парень улыбнулся, — пожалуйста.

Он подошел к мешку и внезапно с силой выбросил вперед две руки, сплетенные в кистях. Со стороны движения его выглядели необыкновенно нелепыми, Саша потерял равновесие и шлепнулся рядом с мешком.

Зал задрожал от хохота.

— Напрасно смеетесь, — Харлампиев повернулся к ученикам. Ни один из вас не сможет удержать равно-

весие при такой ситуации. Но и эффект такого удара мизерный. Вы, конечно, обратили внимание, что мешок едва шевельнулся? Обратили? Так вот смотрите.

Харлампиев, чуть прихрамывая, подошел к мешку. Вот он сделал шаг вперед и резким, почти неуловимым, движением заставил гулко ухнувший мешок медленно закачаться.

— Вы должны понять главное — механику движений боксера. Помните, что нанесение удара — целая цепь взаимосвязанных движений. Вы должны переносить тяжесть тела с одновременным движением руки вперед. Но делать это так, чтобы локоть остался на том же месте, где раньше был кулак при исходном положении.

Харлампиев подошел ближе к строю, помолчал.

— Помните, что удар зависит от одновременности поворота плечевого пояса, движения плеча и предплечья. Это основные слагаемые удара. А от того, как вы их сможете сложить, и от скорости зависит ускорение, определяющее силу удара.

В этот день никто не вышел на ринг. Боксеры работали перед зеркалами. Удары. Десятки, сотни одинаковых однообразных движений. Так прошел этот вечер. Обыкновенный учебный день секции бокса школы тренеров.

И он написал об этом. И о том, что снаряды напоминают фантастические плоды, и о старике, похожем на гладиатора, ушедшего на покой, и о великом смысле однообразия движений. Писал он всю ночь, примостившись за кухонным столом. Писал и слушал, как капает вода из испорченного крана.

А утром завождем вычеркнул все — и плоды, и гладиатора, и движения. Он оставил маленькую информацию о том, что секция бокса под руководством

тов. Харлампиева готовится к предстоящему первенству Москвы.

Аркадий Георгиевич прочитал коротенькую заметку и пожалел молодого, наивного репортера. Но он все же вырезал ее и спрятал в архив.

Его домашний кабинет был тесен от книжных полок, папок, мольбертов и акварелей. Жена не заходила сюда, здесь было его царство. Царство диаграмм, анатомических атласов и рукописей незаконченных книг. Здесь он работал ночами.

Работал беспощадно, не обращая внимания на усталость и головную боль.

Аркадий Георгиевич торопился, ему необходимо было наверстать время, так бесцельно растраченное за границей.

Предстоящие соревнования не радовали его. Ребята были совсем не готовы. Правда, они кое-что умели, но это совсем ничтожно по сравнению с тем, что он хотел дать им. Он так и сказал в Комитете по делам физкультуры, но начальство решило наоборот. Послали комиссию, та пришла в восторг, и в результате обязательная явка на соревнования. Он, конечно, верил в своих ребят. Коля Штейн, Лева Темурьян и Саша Постнов уже вполне сложившиеся боксеры. Но Королев?

То, что этот парень не рожден боксером, было ясно сразу же, но он все-таки взял его. Пусть себе занимается, раз любит бокс. Взял и забыл о новичке на некоторое время: слишком много других было дел — поважнее!

Только сейчас, в тридцатых годах, бокс стал полноценным. Таким же видом спорта, как легкая атлетика или волейбол. Вето, которое наложили на него некоторые, чересчур ревнивые, поборники «пролетарской

культуры» из гублитов в середине двадцатых годов, сильно затормозило его развитие.

Газеты навалились на пропагандистов нового вида спорта, обвинив их во всех смертных грехах. Ринги из

А. Харлампиев

парков перекочевали в подвалы. Но все равно молодежь любила бокс и занималась им. Только после дискуссии в «Вечерней Москве», после того, как компетентная комиссия доктора Непомнящего познакомилась с работой боксерских кружков и секций, бокс был вновь официально признан и занял подобающее место.

Все эти годы Харлампиев ходил хлопотал, писал письма. Вернувшись в Москву из Эстонии, он мог бы, конечно, спокойно заняться живописью или писать себе декорации для театров и жить совсем неплохо. А вместо этого он «дрался» с хан-

жами из гублита. Дилемма, вставшая перед ним, требовала немедленного разрешения: живопись или бокс? Он выбрал бокс, выбрал потому, что чувствовал, что именно в нем он нужен больше.

И вот звание доцента кафедры бокса в институте физкультуры и секция. А тебе уже за пятьдесят и на

твоих плечах все — теория, практические занятия, хозяйственные заботы. Правда, есть прекрасный помощник — Константин Градополов. Если бы не он, то неизвестно, встала бы секция на ноги вообще.

Работы у Харлампиева было выше головы. И кафедра, и секция, и новая книга. Но главное, конечно, секция. Тренировки — главное. На них все были равны — чемпион Москвы Иван Богаев и совсем «зеленые», такие, как Коля Штейн, Лева Темурьян, Вася Чудинов. Секцию он организовал не просто как спортивный кружок. Планы были большие, она должна была стать основой будущей школы тренеров.

Вот почему не до новичка ему было. Заела «текучка».

Только как-то вечером, после занятий, подошел к нему Градополов, сел рядом.

Аркадий Георгиевич, а ведь этот новенький — талант, самородок.

— Какой новенький? А, Королев, кажется?

— Да, Королев.

— Так чем он вас так поразил, Костенька?

— А вы сами посмотрите его.

— Считаете, что это интересно?

— Необыкновенно. Конечно, техники никакой, но удар, реакция с ума сойти! Полная неожиданность!

Следующий вечер в зале он стоял и смотрел, как Королев работает с «мешком». Удары действительно были необычайно быстрыми и резкими. После каждого обшитый дерматином мешок кряхтел, словно собираясь лопнуть по швам.

Новичок работал ритмично: правой, левой, правой, левой. Только напряженный белесый затылок да естественно застывшая спина выдавали его волнение. Королев знал, что сам «Старик» следит за его работой, и поэтому очень старался.

— Стоп, Коля,— он подошел, взял его руку, нащупал пульс. Ровный, и дыхание ровное. Словно это не он только что яростно колотил дерматиновый обрубок.

— Давай на «лапах» попробуем.

Да, действительно. Чертовская реакция! Удар. Еще, еще... Пусть привыкнет к положению рук.

— Быстрее.

Теперь в последнюю долю секунды «лапу» чуть левее.

Попал!

Опять! Все время достает!

Снова «лапу» влево.

Неуловимым движением Королев заваливал корпус в сторону и изменял траекторию удара, «доставал» его руку в самых невероятных положениях.

Ну и удар же у него! Резкий, отбрасывающий «лапу» далеко в сторону, вызывающий нестерпимый зуд в ладонях.

— Так, хорошо. Хватит. Пойди отдохни.

Он смотрел вслед новичку. Видел его могучий торс, тяжелые ноги футболиста и видел, что за его неподвижностью таится могучая сила, готовая в любой момент распрямиться победно и сильно.

И все-таки он боялся. Драться с Виктором Михайловым тяжело. Победить его почти невозможно. Михайлов очень опытный, расчетливый и холодный боец. Что для него Королев?

А если Королев после первого же поражения совсем уйдет из бокса? Но этого не может быть! Да и он не позволит ему уйти. Бокс — призвание Николая.

Цирк гудел... Бокс за сравнительно короткое время приобрел столько поклонников, что вполне мог конкурировать с футболом.

Сегодня станут известны имена новых чемпионов

Москвы. Первые финальные бои принесли большую радость Харлампиеву: Лева Темурьян и Вася Чудинов стали чемпионами.

Команда судьи: «Секунданты, за ринг!» Гонг. Бой, Значительно легче, когда проигрываешь сам. Это потому, что не видишь бой со стороны. Не видишь своих ошибок. А вот когда тебе пятьдесят и за спиной больше сотни боев, то сидеть у канатов почти невозможно... Уже после первого раунда известен исход встречи. Он видел ошибки Николая, а главное, знал, какие он еще сделает.

У Михайлова, конечно, превосходная техника. Он начинает атаку продуманно, четко, красиво. Ничего лишнего. Талантлив. Безусловно талантлив.

Очень обидно смотреть, как бьют твоего ученика. Кажется, что бьют тебя. Но что делать, если человек на ринге за одну минуту забывает все, чему учишь его долгие месяцы!

Ну вот, пожалуйста! Зачем Николай идет в атаку? Это же глупо. Идет открытый. С одним только желанием достать противника. Достать во что бы то ни стало.

Интересно, достанет?

Вот он бьет левой и сразу же правой. Еле заметным движением руки Михайлов парирует удар.

Зачем же Коля продолжает атаку? Зачем лезет? Сейчас, наоборот, нужно уйти в защиту, выжидать.

— Ну зачем ты лезешь? — вдруг крикнул Харлампиев.

Все правильно, рефери делает ему замечание. На старости лет перестал держать себя в руках.

А он опять атакует. Неумело. Как щенок, который бросается на велосипедиста.

Левой в корпус и сразу же правой в челюсть. Опять мимо! Удар! Прмах. Еще удар! Мимо... Сейчас Михайлов начнет атаку. Держись, Коля!

Левой в челюсть. Попал! Еще! Еще!

Почему же Коля не падает? Все-таки он молодец! Мало кто может устоять против знаменитого михайловского крюка левой.

А Михайлов все бьет и бьет.

Силы у Королева на исходе. Молодец! Шатается, но пытается атаковать.

Хватит.

Аркадий Георгиевич бросил полотенце на канаты. Все. Отказ от боя.

— Снимите полотенце! Буду драться!

Король опустился на табуретку.

— Снимите!

— Все, Николай, бой кончен.

Улыбающийся Михайлов подошел к Николаю, пожал руку. Что-то говорит, но Аркадий Георгиевич не слышит — уж очень цирк шумит.

— Ввиду явного преимущества Виктора Михайлова бой прекращен.

Слова рефери тонут в громе аплодисментов.

И хотя он видел и знал, чем кончится бой, все же в глубине души он надеялся на чудо. Надеялся, что, может быть, Михайлов ошибется и пропустит всего один удар. И тогда победа. Правда, грубая, но все же победа. Победа силы над умом и техникой. И хотя умом Харлампиев и восставал против такой победы, но сердцем желал ее мучительно и страстно.

Они идут по бульвару, по дорожкам, сырым от недавнего дождя. Идут и молчат. А что он может сказать ему? Утешить можно только одним — победой.

— Ты не грусти, Коля. Это, конечно, плохо, когда тебя бьют. Но ты проиграл Михайлову.

— Я все равно его побью,— Харлампиеву показалось, что Коля всхлипнул.— Побью.

— Конечно. И я верю в это. Ты просто обязан победить его. Но помни, нокаутировать — это еще не значит победить.

— Я вас не понимаю, Аркадий Георгиевич, — Королев остановился. — А как же можно тогда победить?

— Как? — Харлампиев усмехнулся. — Ты должен прежде всего победить опыт, волю, ум противника. Боксер обязан показать прежде всего свое моральное превосходство.

Они помолчали, пережидая, когда пройдет немилосердно дребезжащий трамвай.

— Помни, Николай, у тебя большое будущее. Но мне хочется, чтобы ты был не только хорошим бойцом, но и тактиком. Нужно думать всегда, даже на ринге, под градом ударов. Нужно думать перед боем и после него. О противнике надо знать все. Не только его вес, рост, силу, но и его характер, его склонности. А что ты знаешь о Михайлове?

Николай молчал. Он перестал понимать тренера. О чем говорит «Старик»? При чем здесь кругозор? В театр ему, что ли, ходить вместе с Михайловым! Вообще он какой-то странный стал. Ввел вместо последнего часа занятий литературу. Они же хотят стать боксерами, а не писателями! Зачем им все это? Просто чудит «Старик». Чудит и все.

* * *

— Если хотите жить, то забудьте думать о боксе, — сердито сказал врач, — полный покой.

Аркадий Георгиевич слышал, как хлопнула дверь в прихожей, как тяжело вздохнула жена. Он лежал в кабинете, среди любимых, до боли знакомых вещей. Только сейчас они не радовали его. Слишком уж они

напоминали о той, другой, жизни, в которой не было врачей, запаха лекарств и боли, пронизывающей сердце.

В той, другой, жизни осталось все самое дорогое. Живопись, бокс, работа и неоконченная книга. Самая главная! Как мало он сделал за эти четырнадцать лет! Почти ничего из того, о чем думал в тот холодный берлинский день. Он сидел в холле гостиницы «Кайзерхоф», смотрел на дождевые потоки в зеркальном стекле, на сотни зонтиков унылых и черных, сутолоку машин на Фридрихштрассе.

Он ждал Подвойского. Ради встречи с ним Аркадий согласился драться с каким-то немцем. Лишь бы приехать в Берлин и поговорить с Николаем Ильичем.

До того трижды он — пытался перейти советско-эстонскую границу и однажды совсем было уже перешел. Но вдруг грохнул выстрел, и потом он почти десять часов отсиживался на болоте, слушая лай собак и переключку эстонских пограничников.

А жить в Эстонии он больше не мог. Иногда ему казалось, что он может сойти с ума в чистеньком Ревеле, похожем на яркую рождественскую открытку.

Он так волновался, что почти не мог говорить. А Николай Ильич успокаивал его и улыбался. А через неделю они уехали в Москву. И были слезы радости от встречи с Россией на первой пограничной станции и много чего было, о чем сейчас приятно вспомнить.

Жизнь Москвы, лихорадочная, деловая, торопливая, сразу захватила его, забрала всего полностью.

В этом городе осуществлялись самые фантастические проекты. И он брался за любое дело, лишь бы в нем был элемент творчества и новизны.

Все было: бокс на курсах Всевобуча преподавал и над книгой работал, а потом отдал себя всего без остатка — всю энергию, талант, ум. Начал вместе с

Крыленко создавать театр Массового действия. Какие планы рождались, какие замыслы! Театр должен был выйти на улицу. Тротуары и мостовые, парки и скверы — вот новые подмостки нового пролетарского театра.

Его ругали старые друзья-художники. Они не могли ему простить, что он так внезапно ушел из живописи.

— Ты испугался,— говорили они,— испугался конкуренции. Ты не хочешь расти. Тебя испортил Париж.

Он молчал, молчал и улыбался. И это еще больше распаляло их, и они еще сильнее ругались и спорили.

А он не ушел из живописи. Он был и оставался художником. Только считал, что не обязательно целый день ходить с этюдником по городу.

Теперь он рисовал в высокогорных экспедициях. Вместе с сыновьями первым начал прокладывать дороги в горах. Он стал пионером общества «Пролетарский туризм и альпинизм». Там нельзя было не рисовать. Он помнит первое утро на высоте. Розовели вершины гор. Внизу плывут облака. Солнце приходит сначала сюда, на вершину, а потом уже опустится до облаков.

Он рисовал снег, розовые облака, лучи солнца. Он рисовал туров-проводников. Умных животных, идущих впереди людей и ищущих трещины. Рисовал старых сванов, легких и гордых, похожих на орлов. Но самыми удачными были последние Памирские зарисовки. Серия карандашных портретов киргизов и пограничников. Он показал ее друзьям-художникам. И они смотрели, пораженные ясной и живой силой его рисунков.

Его поздравляли, начали хлопотать о выставке. Но как-то на тренировке ему вдруг не хватило воздуха и словно чей-то кулак ударил по сердцу. Он задохнулся, увидел, как замелькали в зеркалах испуганные лица, увидел и упал.

А вечером к нему пришли ребята. Еще возбужденные после боя, с сумасшедшими радостными глазами. Он поздравил их со званием чемпионов СССР.

— Только не думайте, что вы законченные мастера. Вам еще работать и работать. Цели у вас большие. Первенство Европы, мира. Я верю, что мировой ринг будет за советскими боксерами.

Говорили все сразу. Разговор висел над комнатой, веселый, радостно возбужденный, и перед глазами «Старика» вставали неуклюжий тяжеловес Ануфилов, противник Коли Королева, Лева Темурьян, забывший от волнения забинтовать руки...

«Старик» лежал на спине и слушал. Постепенно он перестал следить за разговором. Сегодня он был по-настоящему счастлив, так бывает счастлив человек, совершивший долгий, трудный подъем и наконец увидевший внизу облака, а над головой огромное, ничем не закрытое солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМНОТА	3
СМОЛЕНСК — ГОРОД ГУБЕРНСКИЙ	6
ГОСПОДИН ЖИВОПИСЕЦ	26
СОЛНЦЕ НАД КРЫШАМИ	38
"БОКС-КЛУБ"	44
ПОД НАДЗОР ПОЛИЦИИ...	66
ЧЕМПИОН РОССИИ	77
ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ	83
ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ	90
О САМОМ ГЛАВНОМ	107

Эдуард Анатольевич Хруцкий
ЭТОТ НЕИСТОВЫЙ РУССКИЙ

Редактор р. *И. Абсалямов.* Художник *П. Г. Цепелинский.* Художественный редактор *В. К. С'афронов.* Технический редактор *Н. А. Суровцова.*
Корректор *З. Г. Самылкина.*

А-06191 Сдано в производство 20/IV 1970 г. Подписано к печати 28/VII 1970 г.
Бумага тип. № 1 Печ. л. 4 Усл. п. л. 5,6
Уч.-изд. л. 5,33 Бум. л. 2. Тираж 75000 экз.
Издат. № 3962 Цена 18 коп. Зак. 11123

Издательство «Физкультура и спорт» Комитета по печати
при Совете Министров СССР Москва, К-6. Каляевская ул., 27

Тип. изд-ва газ. '«Коммунар». Тула, ул. Ф. Энгельса, 150

Цена 18 коп.

„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“
МОСКВА · 1970

